

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

The poster features two men against a dark, textured background with floating orange sparks. On the left, a young man with short dark hair and blue eyes, wearing a light blue t-shirt, looks off to the side. On the right, an older man with dark hair and a light beard, wearing a black shirt, is shown in profile, looking down. Behind them is a large, ornate, oval mirror with a decorative frame. A large, stylized number '9' with a fiery, textured appearance is superimposed over the center of the image, partially covering the two men.

ПОМНЯЩИЙ

ЕВГЕНИЙ ИЛЬЧЕВ

Евгений Юрьевич Ильичев

Я – помнящий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67281110

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда обладаешь бесконечным запасом времени, то начинаешь экспериментировать. Первое, что ты получаешь, это деньги, власть и влияние... Но как долго это будет тебя утешать и радовать? Сколько понадобится жизней, чтобы пресытиться достатком? На каком витке ты начинаешь понимать саму суть жизни? И кто заставит тебя заплатить за столь глупую трату времени? Ответы на все эти вопросы и пытается найти автор в романе. Увлекательный сюжет в антураже петли времени не оставит читателя равнодушными. А бесконечный поиск смысла жизни и обретение истиной любви заставит задуматься даже самого черствого скептика.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	51
Глава 6	69
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Евгений Ильичев

Я – помнящий

Глава 1

Москва, 19 ноября 2019 года.

Блогер заметно нервничал. Холодными от пота пальцами он то и дело начинал барабанить по заляпанному стеклу планшета. Приглашение, присланное ему на почту, оголошило юного журналиста. Сначала он принял сообщение за спам, но спустя три минуты после получения электронного письма с ним связалась девушка, представившаяся служащей одной из компаний Москва-Сити, и предложила свои услуги по организации визита к медиа-магнату Константину Королёву.

Для оформления пропуска требовались его данные. Ничего такого, чего нельзя было бы найти о нем в интернете, но молодой человек не согласился на встречу, резонно предположив, что в таком «счастливом случае» возможна большая доля шарлатанства. Однако спустя две минуты на его мобильный позвонил сам Королёв с просьбой о срочном интервью. В итоге парень, озадаченный и смущенный, всё же решился и поехал в город. В конце концов, такие шансы выпадают не каждый день. Вопросы пришлось придумывать бук-

важно на ходу, сначала в поезде по пути из Внуково, затем толкаясь в переполненном вагоне метро.

Королёв держался спокойно и непринужденно. Было видно, что миллиардеру легко давались подобные мероприятия. *«Ещё бы, вся жизнь на виду, – думал молодой журналист. – Каждый день под прицелом камер папарацци»*. Тем не менее, интервью нужно было продолжать, и парень, без году неделя в журналистике, всё же собрался с мыслями и задал следующий вопрос:

– Значит, вы утверждаете, что своему состоянию обязаны случаю?

Респондент на секунду закатил глаза и, натянув снисходительную улыбку, ответил:

– Я говорил не о случайности, а о конкретном случае. Под случайностью люди обычно понимают нечто, от них не зависящее...

– А в вашем случае было не так? – перебил его молодой интервьюер и тут же осекся, осознав свою оплошность. Королёв пристально посмотрел в глаза начинающему журналисту и, простив его несдержанность, терпеливо продолжил:

– Я говорю о случае, который привел меня к богатству. Но этот случай отнюдь не был случайностью, он был результатом моего выбора.

Журналист явно не понимал сути сказанного, но, боясь показаться слишком уж некомпетентным, промолчал, ограничившись лишь вопросительным взглядом.

– Я вообще уверен, – продолжил миллиардер, – что случайностей во вселенной просто не бывает. Все ситуации, так или иначе возникающие в нашей жизни, есть плоды наших решений и наших действий. А как поступить в той или иной ситуации – это и есть тот самый выбор, о котором я говорю.

– То есть в судьбу вы не верите? – уточнил репортер.

– Не то чтобы не верю совсем, – уклончиво ответил Королёв, взглянув на часы, – я скорее склонен верить в нити судьбы.

– Нити судьбы?

– Давайте объясню проще, – не сдавался миллиардер. – Вот вы – журналист интернет-портала «Молния» Василий Лозовой.

Репортер слегка поёжился, услышав своё имя. Из уст самого молодого миллиардера страны оно звучало как-то неестественно, если не сказать убого.

– Когда я с вами связался, – продолжил создатель крупнейшего в стране провайдера связи, – вы, наверняка, сочли мой звонок розыгрышем. Ведь так?

– Если быть честным, да, – признался журналист.

– И это была вполне логичная реакция на подобную ситуацию. Вы наверняка подумали что-то вроде: «Сам Королёв взял и позвонил. Лично. Без помощи секретарей и пресс-атташе. Да ещё и предложил интервью дать. С чего ему вообще связываться с таким микроскопическим интернет-изданием? Нет, наверняка чушь и разводка». Ведь так было дело?

Парень напрягся.

– В общих чертах, да. Я не принял всерьез ваш звонок. Пранкеры, знаете ли, в наше время...

– Но, тем не менее, вы тут, – перебил его Королёв. – А значит, в какой-то момент вы всё же поверили в этот сценарий, приняли мое приглашение и приехали ко мне.

Блогер не нашел, что ответить, и глупо, совсем по-детски, захлопал глазами. Королёв не стал дожидаться ответной реплики и продолжил:

– Это был ваш выбор. Верить или нет. Ехать или нет. Вы сами приняли решение. Никто не давил на вас и не заставлял. Вы взяли и приехали. Кстати, на чём именно вы приехали?

Лозовой открыл было рот, но ответить не смог – настолько неожиданным был вопрос. Видя замешательство собеседника, Королёв уточнил:

– Ну, на личном транспорте или на метро?

– На «ласточке», – робко ответил парень, – я во Внуково живу, сегодня метель, в городе пробки, и я решил...

– Вот именно! – воскликнул Королёв. – Пробки! А поехали бы вы в такую даль на машине – этот разговор, скорее всего, вряд ли состоялся бы. И это тоже ваш выбор. О том я и толкую. Каждый день, каждый час жизнь предоставляет нам право выбора. Поехать на метро или на такси, купить красное или синее, заговорить с той девушкой на остановке или пройти мимо. Любое событие влечет за собой выбор, а

выбор влечет очередное событие. В зависимости от выбора меняется и наша жизнь. В ту или иную сторону. Это сеть, «паутина», которую плетем мы сами. У кого-то она простая: сплёл однажды на досуге в уголке и всю жизнь довольствуешься редко залетающими в нее мухами. А иной «паучок» возьмет и перемахнет через подоконник, да в роще, на самой большой коряге сплетёт такие силки, что не только себя, а половину леса мотыльками накормит. Улавливаете?

– Хотите сказать, что от правильности нашего выбора зависит и вся наша жизнь?

Внезапный стук в дверь заставил обоих повернуть головы в сторону входа.

– Продолжаем, – вернулся к разговору Королёв, увлекая им репортера, который, словно замороженный, продолжал смотреть на входную дверь. – Не бывает правильного или неправильного решения. Оно просто должно быть. Один выбор ведет нас по одной нити судьбы, а другой – по другой. Простите за тавтологию.

Громкий стук вновь наполнил собой пентхаус, отвлекая собеседников от разговора. К стуку присоединился глухой, не терпящий возражений голос:

– Откройте, ФСБ!

– Продолжаем! – столь же напористо отозвался миллиардер, уже не глядя на дверь, словно зная, что творится за ней. Лозовой поежился, ему стало казаться, что он вовлекается во что-то странное и запутанное. ФСБ? За дверью? Почему

именно сейчас, когда ему выпал шанс прославиться? Что им нужно? Что ему теперь делать? Стук тем временем становился всё настойчивей, но не менее властный голос Королёва вырвал из оцепенения молодого репортера.

– Продолжаем! – повторил он.

Блогер с трудом отвел взгляд от содрогающейся под тяжёлыми ударами входной двери. Вероятно, с другой стороны решили ее выбивать.

– Интересная, конечно, жизненная позиция. Но как вы поняли, что в том конкретном случае нужно было поступить именно так?

– А я и не раздумывал. Просто решил в этот раз пройти именно по этой нити судьбы, – ответил Королёв, закрывая межкомнатную дверь-купе. Звуки из коридора стали глуше, и разговор мог быть продолжен.

– В этот раз? Звучит так, будто вы не раз оказывались в подобной ситуации, – усмехнулся репортер.

– Бинго! – чересчур эмоционально выкрикнул миллиардер. Лозовой даже подскочил. – Вы не представляете, насколько точно сейчас описали то, о чем я хотел вам поведать.

– Я весь внимание.

Королёв вновь посмотрел на часы и изобразил на своем лице гримасу огорчения.

– К моему сожалению, у нас совсем не осталось времени, – выдохнул он. – Это моя вина, – поспешил успокоить журналиста Королёв. – Вы тут ни при чём.

– Я не совсем понимаю, Константин Иванович, у вас дела?

– Дела, дела, дела... – задумчиво оглядываясь, повторил мужчина. – Дела уже не так важны.

Миллиардер остановил свой взгляд на молодом человеке и, как-то странно улыбнувшись, спросил, кивая на штатив:

– Камера-то работает?

– Пишет всё с момента нашей встречи, у меня стрим в ютубе. А что, собственно, не так? – не понял Василий. За спиной послышался звук болгарки. Штурмующий квартиру отряд взялся за дело основательно, но Королёв даже не взглянул в сторону источника шума.

– Эх, Вася, Вася... Жил бы ты поближе, успел бы тебе такую историю рассказать... Ну, ничего. Твой портал и так теперь наберет миллионную аудиторию. Запомни, выбор всегда за тобой!

С этими словами Королёв резко развернулся и выбросился из окна небоскреба. В ту же секунду с диким грохотом и криками в квартиру ворвались вооруженные люди в униформе спецназа. За ними проследовал пожилой мужчина в штатском. Не глядя на репортера, он прошёл к окну. Взглянул вниз, затем резко и колко посмотрел на Лозового, который, в ужасе от происходящего, оставался стоять посреди квартиры как вкопанный.

– Где девчонка? – гаркнул старик.

Репортёр замямлил что-то нечленораздельное. Сзади

отрапортовали: «В квартире больше никого».

Мужчина в штатском перевел взгляд на камеру.

– Носитель изъять и пришить к делу, пацана вышвырнуть вон, – коротко отдал команду суровый мужик и вышел из квартиры.

Глава 2

Ощутить всю прелесть полета Константину Ивановичу Королёву так и не удалось. Этой осенью слишком рано похолодало. Столицу уже неделю поливал премерзкий дождь вперемешку с неокрепшим снегом, радовавший разве что автослесарей и суливший скорое наступление дня жестянщика. Мужчину подхватил сильный ветер, постоянный спутник делового центра столицы, и понес прочь от стеклянного фасада здания, словно невесомую тряпичную куклу. Липкая жижа из дождя и снега тут же залепила ему глаза, мешая в деталях разглядеть стремительное приближение к земле. Он даже не успел испугаться. А испугаться ох как хотелось! Вернее, хотелось даже не страх испытать, а испытать хоть что-нибудь. Хоть намек на эмоцию. Но, увы, выбранный на этот раз прощальный аккорд не позволил должным образом насладиться финалом. Резкий перепад давления и температуры не позволял сделать полноценный вдох, и уже на излете Константин Иванович ощутил, как проваливается в небытие. Ещё одно мгновение – и Королёва не стало. Как и в прошлый раз, его очередная жизнь завершилась 19 ноября 2019 года в 21 час 12 минут.

Рязань. Очередное 19 ноября 1999 года.

Костя втянул носом теплый воздух и улыбнулся. Глаза открывать не хотелось. Он поглубже зарылся в пуховое одеяло, стараясь запечатлеть в памяти этот самый первый момент пробуждения ото сна. Он знал, что такого чудесного дня, как сегодня, больше не будет. Что, как только он встанет с кровати и коснется холодного пола ступнями, начнется очередная гонка за жизнью. Или всё-таки за смертью? Этого он пока не знал.

Щуплый парень попытался припомнить цифру. Последний раз, когда он задавался этим вопросом, она составляла чуть больше тридцати. *«Интересно, а юбилей я отмечал? – мысленно съёрничал Костя. – Наверняка кучу гостей пригласил, так, мол, и так, празднуем сегодня, э-м-м... как же вам, остолопам, объяснить-то? Чушь какая. Ничего он не праздновал. Да и цифра с того времени далеко за сорок ушла».*

Парень всё же приоткрыл один глаз, на всякий случай, просто чтобы убедиться, что ничего в его жизни не изменилось. Всё ровно так, как было в первый раз, как было в двадцать первый и как будет впредь – он просыпается, ему семнадцать лет и он дома. Без денег, без образования, без конкретной цели. И с кучей всевозможных вариантов. Хочешь рокером стань, хочешь звездой футбола, а можешь и архитектором. Собирай себе стадионы. *«Забавно, – подумал Костя, – такие разные профессии, а занимаются одним и тем*

же – стадионы собирают. Конечно, можно стать и хоккеистом, тогда ты целые дворцы собирать будешь, правда, только ледовые».

Костя резко поднялся в постели и уселся на коленях, всё ещё укутанный в одеяло. Получилась довольно милая статуя наподобие египетского сфинкса, только с веселым ромбом одеяла из верблюжьей шерсти на голове. *«Дамы и господа, встречайте!»* – голос в голове сбивался, декламируя чушь, которая шныряла по закоулкам памяти Кости.

Вдруг одеяло резко сдернули.

– Проснулся уже? Иди с Хреном погуляй, полчаса уже скулит под дверью, – сказал отец и пошел прочь из комнаты.

Костю начали душить слезы. Он смотрел в спину отцу и не мог сдержать горячих капель. Те стремительно наполняли слезные мешки и, не в силах больше держаться, огромными каплями срывались прямо на колени парня. *«Неужели он ничего не помнит? – думал Костя. – Как это могло быть? Сколько можно-то?»*

Парня начало трясти. Каждая новая перезагрузка давалась его психике всё труднее. Он не мог чётко вспомнить, что конкретно происходило в прошлых жизнях. Не всегда точно помнил, кем он был, а кем не был. Но он точно знал, когда и при каких обстоятельствах погибнет его отец. Точно знал, что после его смерти мать сляжет в больницу и уже не выйдет оттуда. Сначала она перестанет узнавать знакомых, затем родственников, и в итоге сотрет из своей памяти всех.

Даже самых родных. Вспомнить в деталях свои жизни он не мог, как бы ни старался. Возможно, потому, что было их у него великое множество. А вот вспомнить жизни окружающих его людей он мог довольно чётко. За исключением некоторых моментов, все их судьбы протекали одинаково от пробуждения до пробуждения. Словно они были запрограммированы на те или иные поступки. Их поведение отличалось лишь нюансами, разве что ничтожным выбором между синим и розовым платьем, светлым или темным пивом, «жигулями» первой модели или 412-м «москвичом». Всё остальное оставалось неизменным. И жизни, и смерти. Как под копирку. На фоне всего мира жизнь Кости больше всего походила на взбесившуюся компьютерную программу. Из шести миллиардов человек, составляющих население планеты, ему одному выпала честь прожить не одну скучную жизнь, а целый букет жизней. Иногда ярких и красочных, но монотонных, словно ежегодная выставка тюльпанов в Голландии, иногда серых и непритязательных, а иногда пёстрых, как весенний луг родной для Кости Рязанской губернии.

Слезы остановились также внезапно, как и настигли. Парень тряхнул головой, сбрасывая очередное наваждение. Каждая прожитая жизнь в итоге воспринималась им, словно сон. Реальный до боли, длинный, красочный, но всё же сон. Детали стирались. Он не мог точно вспомнить мотивы своих поступков и их последствия. Помнил лишь канву и основные моменты. Ещё с минуту парень собирался с мыслями, а за-

тем резко вскочил. Тело вновь обрело молодость, но вместе с ней и свою «дрищавость». *«Не мужик, а селитер, – подумал Костя, одеваясь пред зеркалом. – Надо срочно исправлять».* Он наспех натянул трико, футболку, балахон с капюшоном и запрыгал на одной ноге, натягивая тугие носки. Во время одного из прыжков он неудачно наступил пяткой на разбросанные им же в 1999-м году острые детали пластмассовой модели парусника. Дико взвизгнув, он завалился на бок и принялся кататься по полу на спине, держась за пятку. *«Каждый раз забываю про это исчадие ада!»* – выругался про себя Костя, натирая зудящую ступню. На грохот из кухни прибежали все – отец, мать и старший брат Кости, не упустивший случая подколоть:

– Ага-ага, а я ещё вчера запах почувствовал...

Даже пёс Хрен всунул свою озабоченную морду в дверной проем, с радостью отметив для себя, что хозяин уже одет.

– Поговори мне тут, – замахнувшись дымящейся поварешкой и метя в лоб старшему сыну, сказала мама.

– Я тебе уже неделю твержу: *«Уберись в комнате!»* И вот результат. Это уже было адресовано Косте.

– Уберусь, мам, сегодня, – сквозь зубы прошипел Костя, вставая. – Сейчас побегаю и приберусь.

– Что ты сделаешь? – Хором спросили отец с братом, изумленно «вылупившись» на безнадёжного, как им прежде казалось, лентяя. Костя тут же осознал свою ошибку. Привычку бегать по утрам он вырабатывал в каждой из своих

предыдущих жизней, за исключением разве что самых лайтовых.

– Приберусь, – прикинулся валенком младшенький и как ни в чём не бывало пошел обуваться в прихожую. – Хрен, пошли гулять!

Ретироваться пришлось под оглушительное молчание всей семьи. Костя понимал, как странно выглядит сейчас в глазах домашних, но оставаться в квартире просто не мог. Ноги сами несли его из дома, благо псу со столь неблагозвучной кличкой было глубоко плевать на всё. Как только он слышал слово «гулять», его мозг отключался моментально, и начинали работать лишь инстинкты. Хрен, ощутив привычную тяжесть ошейника, рвался на свободу, буквально выламывая руку Кости, который еле поспевал за ошалевшим зверем. Лишь очутившись во дворе, пёс успокоился. Он гуляет, он практически свободен, хозяин рядом. Больше глупому животному желать было нечего. Он, смешно задрав заднюю лапу, привычно примостился у уютного куста акации, потом тем же способом отметился возле трансформаторной будки и уже собрался было бежать по своему привычному маршруту вокруг территории школы, как вдруг туго натянутый поводок резко остановил его порыв. Золотистый кокер-спаниель обиженно посмотрел на хозяина, но Костя, словно забыв цель своей вылазки из дома, стоял столбом посреди улицы.

Отсутствующим взглядом он смотрел на свой мир, словно припоминая давно забытые детали. Вот серая пятиэтажка,

что ютилась напротив его дома. Вот окна бабы Саши, торговавшей палёной водкой прямо из квартиры, спуская алкашам товар на верёвочке. Вот и тропинка, по которой Костик каждый день бродил, выгуливая Хрена. И сегодня – тот самый день, когда Хрену по сценарию жизни было суждено погибнуть под колесами старенькой «волги». Предотвратить этот страшный сценарий было невозможно. Можно было лишь отсрочить страшный момент на несколько дней. Но для этого необходимо было не гулять с собакой, а запереть его в квартире, что в нормальной семье организовать сложно. В одну из первых своих реинкарнаций Костя так и сделал, но внятно объяснить этот поступок близким так и не смог, как не мог объяснить и последующие свои поступки, направленные на спасение жизни отца и рассудка матери. В лучшем случае его принимали за душевнобольного и начинали лечить от надуманной депрессии или наркомании, которых, кстати, так никто и не подтверждал. Ни одна из его жизней не начиналась без этой напрасной борьбы за жизнь пса – ровно до тех пор, пока парень не осознал, что бороться бессмысленно. Ни одна из попыток не приводила к положительному результату. Он пытался оставить Хрена на попечение брата, но тот возвращался с тем же результатом, а точнее, с безжизненным тельцем на руках. Он травил глупого кота, но спустя дни или даже недели появлялся другой такой же. Он ходил на прогулку другим маршрутом, но вечно опекать собаку он не мог. Рано или поздно он отлучался по обычным бытовым

делам, в магазин, в институт, в гости, а вернувшись, узнавал печальное известие. И так раз за разом, жизнь за жизнью. Ни матери, ни отцу также не удавалось избежать печальной участи. И однажды Костя смирился. На десятой жизни, или, может, на более поздней он поймал себя на мысли, что очередная смерть Хрена его больше не трогает. В какой-то момент он с удивлением заметил, что ему приходилось исполнять печаль напоказ, словно плохо заученную роль в школьном спектакле, поскольку сил оплакивать неизбежное в очередной раз просто не оставалось.

Костя очнулся, когда Хрен в очередной раз протяжно заскулил, разглядев под машиной ту самую злополучную кошку, за которой он погонится через несколько секунд.

– Ты уверен? – спросил Костя, на полном серьёзе обращаясь к псу... Хрен взглянул на хозяина с такой явной готовностью к действию, что отказать в последнем удовольствии было выше его сил. Костя медленно подтянул за поводок собаку к себе, присел на корточки, глотая подступающий к горлу комок, и, ласково потрепав вечно грязные золотистые уши своего пса, отстегнул карабин. Пёс с боевым рыком бросился в атаку, прогоняя хитрого кошака с насиженного под машиной места. Мини-торнадо их дикой гонки пронеслось по двору. Сначала под окна пятиэтажки, затем прочь с глаз Кости, за дом. Ещё секунда – и Костя услышит визг тормозов и глухой удар.

В самый первый раз Костя отчаянно бегал по двору,

пытаясь нагнать пса, выкрикивая в его адрес ругательства и грозясь выпороть. Всё было без толку. Обезумевший от погони, Хрен ничего не слышал и не видел вокруг себя. Хитрый кот, осознавая, что оторваться за счёт скорости от гончей собаки вряд ли удастся, припустил за дом, где пролегла улица с довольно оживлённым движением. Благополучно перебежав через нее и увлекая за собой своего преследователя, кот протиснулся под ворота частного дома, куда псу с его габаритами путь был заказан. Обиженный Хрен, ещё с минуту покрутившись возле ворот, обернулся и увидел, как на другой стороне улицы, отчаянно размахивая руками, в его сторону бежит самый любимый его человек – Костя. Приняв это за очередную игру и напроочь забыв о своем заклятом враге по ту сторону забора, пес беззаботно побежал обратно через улицу, даже не взглянув на потенциальную угрозу в виде пронесившихся мимо автомобилей. Ещё мгновение – и сильнейший удар бампера переломает ему все кости. Бедный пес ещё семнадцать минут будет смотреть на этот мир непонимающим испуганным взглядом. Он так и не сообразит, почему ему не удастся больше шевелить лапами, почему хозяин плачет, прижимая его грязную окровавленную голову к лицу. Пёс просто медленно умрет в кругу своей любимой стаи. Умрет на руках у Кости, вздрагивая и теряя сознание от подступающей вместо шока боли.

На этот раз Костя не бегал за Хреном. Он дождался кульминации во дворе и лишь спустя несколько минут от-

правился за дом, чтобы подобрать с улицы тело своей собаки. Он не стал заносить издыхающего пса домой, а сразу понес его на тот склон в частном секторе, где весь городок хоронил своих питомцев. Пока он нес его, еле живой Хрен несколько раз пытался лизнуть его в лицо, вновь вырывая из груди Кости давно забытую жалость к любимому питомцу. На этот раз приобретенная черствость парня смогла порадовать его лишь небольшой скупой слезой, которую Костя старался не замечать на протяжении всего пути. Пес издох фактически перед кладбищем, куда его принес хозяин. Костя положил трупик на землю, выкопал валявшейся неподалеку доской небольшую могилку и похоронил своего пса. Ещё с минуту он смотрел на излучину реки, озаряемую утренними лучами солнца.

– Хорошее у тебя кладбище, Хрени. Завидую тебе, – вслух произнес Костя. – А знаешь, почему тебя зовут именно так? Нет? Ну, слушай.

Костя сел на землю возле свежей могилки и рассказал своему псу о том, как впервые, ещё щенком, они привезли его на дачу. Маленький трехмесячный спаниель принялся с интересом изучать новые владения. За первые два часа прогулки он мог погибнуть не менее сотни раз. Его находили в ванной с дождевой водой и в компостной яме, его отгоняли от удлинителя, подключенного к сети, провод которого он изо всех сил старался перегрызть, его спасали от соседского кота – грозы всех местных домашних животных. Вырывали

из его зубов здоровенные личинки майских жуков и давали зуботычины тапком, когда тот пытался пастью поймать осу или шмеля. Семья смогла передохнуть, лишь когда несмышлёныш открыл для себя вкус к хрену, росшему тут же на огороде. Костя застал своего питомца за поеданием горьких листьев и позвал всех посмотреть на эту вакханалию аппетита. Щенок с таким остервенением откусывал куски от больших листьев растения, что, казалось, этот куст в прошлой жизни был ему кровным врагом. Вопрос о кличке отпал сам собой.

Дома Костя соврал, что Хрен сбежал. Придумав невнятную историю для отвода глаз и тем самым стараясь смягчить для всех горечь утраты, парень даже напечатал на принтере несколько десятков объявлений о пропаже собаки и расклеил их с братом на ближайших подъездах и столбах. Пса, естественно, не нашли, и домочадцы со временем стали забывать о нем.

Жизнь потекла своим чередом. Дни полетели. Сезоны стремительно сменяли друг друга. Первые несколько месяцев после пробуждения Костя, как правило, не делал резких движений. Дни были максимально предсказуемыми. Он пребывал в ранге студента-первокурсника политехнического института, куда поступил, ещё будучи нормальным смертным. Подрабатывал вечерами в местном баре официантом и просто привыкал к своей новой старой жизни, обдумывая план по реализации себя версии К-6.5. Такой ритм был ему понятен и приятен своей предсказуемостью. Он мог манипу-

лизовать течением времени по своему разумению. Он знал, кого встретит, пойдя он по этой стороне улицы, а не по другой. Он точно знал, с какой девчонкой начать общаться и в какой именно момент, чтобы через месяц в новогоднюю ночь впервые ощутить себя мужчиной. И также заранее знал, за кем из его приятелей эта девочка в итоге окажется замужем. Он не старался ничего исправить, не вмешивался в судьбы и не менял привычного ритма жизни. Именно в это время он обдумывал сценарий своей очередной жизни. Кем стать, чем заняться в ближайшие четырнадцать лет. Не так много, но не так уж и мало, учитывая, что ему удавалось провернуть в прошлые жизни. Единственной проблемой было каждый раз придумывать новые профессии и новые виды занятости. За более чем полсотни прошлых жизней он перепробовал почти все интересующие его специальности и профессии. Особенно яркие запоминались ему, но повторять их он не хотел – омерзительно проходить одной и той же дорогой, зная, какие именно ждут тебя впереди сюрпризы. За столь богатый жизненный путь Костя осознал, что вся прелесть жизни состоит именно в её непредсказуемости и пластичности. Жизнь представлялась ему глиной, а сам он в ней исполнял роль скульптора. Только от него самого зависело, что именно он вылепит из этого податливого комка грязи. И более всего его удручал тот факт, что большинство вокруг не осознавали этой простой истины. Конечно, у всех разные стартовые позиции. Кто-то рождается в богатой семье и изначально имеет

больше шансов на успех, но, как показывала практика, далеко не все пользуются своим «поул-позишн» на старте жизненного пути.

Отправной точкой своей новой жизни он не без основания считал свой восемнадцатый день рождения. Именно в этот год страна переходила на новый виток развития. Именно «нулевые» давали стране и ему самому возможность реализовать свой потенциал в полной мере. Время, когда вся страна начинала свое развитие практически с нуля. Из пепла покалеченного, но не поверженного гиганта возрождалась новая сила. Молодая амбициозная власть вселяла в людей надежду, а вместе с ней и веру в будущее, так легко втоптанную в грязь в лихие девяностые. Но, как и новой политической силе необходимо было закрепиться у руля страны, так и молодым, полным амбиций юношам и девушкам необходимо было застолбить свои претензии на благополучное будущее.

Миллениум Костя встречал уже в столице вместе с ранее перебравшимися туда друзьями. Тогда он уже знал, что не вернется в родной провинциальный город. Не вернется по двум причинам, одной из которых была трагедия его семьи, которая, так или иначе, свершится, независимо от его присутствия или отсутствия. До смерти отца оставалось несколько месяцев. Проводить их в семье было равносильно добровольному истязанию плоти веригами. Лучше это время потратить на подготовку собственных позиций для следующего витка бессмертия.

Глава 3

Москва. Август 2017 года.

Калошин вновь перелистал досье. За время его отпуска накопился целый ворох папок с надписью «Дело №...». На каждой папке в нижнем левом углу стоял свеженький штамп «секретно», что, по всей вероятности, должно было придавать документу некую важность и весомость в глазах сотрудников. Папки аккуратно лежали отдельной стопкой на рабочем столе Калошина, заботливо подписанные убористым женским почерком. Начальник узнал руку своей помощницы, много лет игравшей в его воображении роль Манипэни из знаменитой Бондианы. Всегда строгая и всегда влюбленная в своего начальника, она трепетно и нежно заботилась о нем на протяжении всей его службы. Особенно сильно они сблизились после его командировки в Афганистан в восемьдесят четвертом. Калошин улыбнулся, на минуту предавшись лишь ему известным воспоминаниям первых лет карьеры, и приступил к работе. Первые семь дел опытный глаз Виктора отсеял сразу. Они отправились в архив как «сомнительные». Восьмой же кандидат показался ему интересным. Виктор закурил прямо в кабинете, хотя уже не раз получал за это нагоняй от нового начальника. Внимательно вчитываясь в «успехи» очередного кандидата на обработку, Калошин ритмично и звонко отбивал чечетку ногой под столом

– давняя привычка, без которой думать сосредоточенно он не мог. А внимание в его деле было необходимо, как воздух. Он отвлекся на селектор:

– Света, кофе, пожалуйста.

– Да, Виктор Иванович! – ответил звонкий голос на другом конце.

Калошин продолжал листать документ: «... в 2000 году покинул Рязань и перебрался в Москву, где без какой-либо подготовки, буквально с нуля, заработал несколько миллионов на новом тогда направлении – создании хостелов». Тогда объекту было уже 39 лет. Мужчина обвел слово «хостел» красным маркером и продолжил читать. «Далее он открыл один за другим пять отелей бюджетного типа и даже преобразовал их в действующую до сей поры сеть. После такого успешного старта он продает бизнес и пропадает на 3 года. По слухам проводит их в США, но достоверной информации на этот счет нет». Калошин машинально послуныявил палец и перевернул страничку. Дальше – больше. В 2006-м герой дела номер восемь вновь объявился в столице с эксклюзивными правами на распространение в стране тогда ещё никому не известной «яблочной» продукции. Виктор вновь обвел карандашом заинтересовавший его факт. Пару лет бизнес буксовал, но после народ распробовал новинку, и его ритейл-компания выстрелила колоссальной прибылью. Параллельно бизнесу, изучаемый кандидат скупал земельные участки в Подмосковье по относительно бросовым ценам.

Как оказалось, этот ход сделал белую полосу его жизни не просто белой, а ещё и инкрустированной россыпью драгоценных камней. Ход мыслей прервала секретарша, принеся кофе. Виктор поблагодарил её, проводив оценивающим взглядом, и вновь углубился в чтение документа. Он хорошо помнил тот год, когда вышел указ об изменении границ Москвы. Столицу решили расширять, и земля, купленная ранее, резко взлетела в цене. Часть земельных участков объект перепродал с колоссальной прибылью, другая часть пошла под строительство его личных доходных предприятий – многоквартирных домов, рынков, супермаркетов и ресторанов. Калошин поднял взгляд к потолку, прикидывая, кто мог знать наверняка о подобных планах, и пришел к выводу, что, даже несмотря на большой капитал его визави, просто не могло быть подобной информации раньше, чем о ней заговорили вслух в верхних эшелонах власти. Значит, копает он всё же верно. Последний гвоздь в крышку своего гроба изучаемый объект вбил скупкой валюты аккурат перед мировым экономическим кризисом, практически в одночасье умножив свое и без того немалое состояние в несколько раз. Выручку от спекуляций с валютой он, естественно, пустил в оборот. В основном, приобретая недвижимость и землю за границей, где набирал обороты долговой кризис. На нём он тоже умело сыграл, скупая стремительно дешевеющую недвижимость в Греции и других беднеющих странах Евросоюза. На сегодняшний день его состояние оценивалось

девятизначной суммой в иностранной валюте.

Калошин почесал затылок, пробегая глазами все отмеченные им факты, и пришел к выводу, что перед ним либо самый гениальный предприниматель этого столетия, либо тот, кого он и искал. Второй вариант ему казался куда реалистичнее, хотя подразумевал под собой почти потустороннюю суть. Виктор дважды внимательно пробежал глазами все интересующие его сведения и вызвал по селектору машину. Подумал и добавил помощнице:

– И стажёра мне вызови. – *«Посмотрим, из чего слеппен»*, – уже себе под нос буркнул Виктор.

Если поторопиться, до Рязани можно было добраться засветло. Личным транспортом Виктор не пользовался, поскольку не любил лишней кутерьмы, связанной с обременительным содержанием своего авто. Так и пылилась его старенькая «ауди» в гараже конторы, пробуя свои силы на улицах мегаполиса лишь по большим праздникам, когда Калошину удавалось вырваться на отдых. По большому счёту, работнику его уровня полагалась штатная машина с мигалкой и водителем, но и этой привилегией он пользоваться не любил. *«Тожже мне – персоне»*, – думал он всякий раз, когда над ним подшучивали коллеги, но всё же в экстренных случаях ему приходилось пользоваться служебным транспортом.

Расчет был простой: если на месте он сможет доказать самому себе, что своему богатству изучаемый объект за номером 8 обязан именно кропотливому труду и анализу

рынка, то дело можно будет похоронить в архиве. Но если чудесное перевоплощение простого рязанского мужика окажется именно «чудесным», то маховик раскрутится на полную катушку. Остановить контору ещё никому и никогда не удавалось. Не верилось Калошину в невиновность этого, уже немолодого, объекта. В его личной практике таких возрастных клиентов ещё не было. Хотя по данным архивов конторы в истории такие случаи уже встречались – тот же фюрер или вождь мирового пролетариата... Никому не известные выскочки приходили к реальной власти, вовремя подсуетившись, но амбиции захлестнули их, и сама жизнь распорядилась прервать их цепочки реинкарнаций. Кстати, именно тело последнего, мирно покоившееся у всех на виду, подсказало Калошину, как именно нужно бороться с подобными «феноменами».

Калошин спустился на грузовом лифте на тускло освещённую подземную парковку, сплошь уставленную новенькими конторскими внедорожниками с тремя лучами на решетке радиатора. Пахло сыростью. Нудный, монотонный поток холодного воздуха, обеспечивающий принудительную вентиляцию огромного подземного помещения, выманивал из-под старенького коричневого плаща Виктора остатки кабинетного тепла. Мужчина поёжился и, неловко втянув в плечи голову, вышел на парковку. Один из внедорожников тут же ожил, приветливо блеснув галогеновыми ободками фар. Что-что, а снабжение в его организации было на выс-

шем уровне. Новая власть, приструнив к концу нулевых се-
мибанкирщину, рьяно взялась за укрепление собственных
позиций. Причем внимание уделялось всем аспектам госбе-
зопасности, включая и не совсем традиционные.

Послышался глухой рык мотора, и тяжелая машина,
медленно выкатившись из стройного ряда автопарка, остано-
вилась прямо перед Виктором. За рулем сидел стажёр Дима.
Он, как всегда приветливо улыбаясь, поздоровался со своим
«ментором» и, как только захлопнулась пассажирская дверь,
рванул с места.

С полчаса ехали молча, не включая ни музыку, ни но-
востные программы по радио. Москва никак не давала вы-
браться путникам из своих запутанных витых улочек. Резала
путь внезапными заторами, выводя трафик окольными пу-
тями. Дима вёл уверенно и жестко пресекал любые попытки
соседей по ряду преградить им путь, пользуясь габаритами,
агрессивным видом автомобиля, и, в большей степени, гос-
номером с литерами АМР.

Наконец выбрались на Новорязанское шоссе, при-
бавили ходу. Двигатель тяжелого внедорожника бодрым ры-
ком отозвался на вдавленную в пол педаль акселератора, и
машина пошла. Минут десять удавалось держать скорость
на одной отметке. Мерное покачивание машины и монотон-
ный гул в салоне сделали свое дело. Пассажир уснул, неловко
разместив голову на подголовнике. Прежде стажёру Диме не
удавалось разглядеть своего наставника. Под тяжелым взгля-

дом Калошина молодой парень всегда ежился и чувствовал такой внутренний дискомфорт, что невольно отводил взгляд в сторону. Сейчас же, воспользовавшись беспомощностью своего пассажира, Дима решился взглянуть на суровое лицо ветерана с одной единственной целью – разглядеть в нем человека. Но за те секунды, что позволила потратить на смотрины дорога, стажер так и не смог заметить в своем начальнике ничего человеческого. Рядом с ним на пассажирском кресле внедорожника сидел пожилой, но отнюдь не немощный мужчина. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами, было испещрено круглыми рытвинами оспинок. Несколько безобразных рубцов пересекали его лицо наискосок. Густые с проседью брови, хмуро сдвинутые какой-то тяжёлой думой друг к другу, не давали и шанса лицу Виктора показаться добродушным. Создавалось впечатление, что Калошин даже во сне не покидает своего поста, что даже сейчас, в этот самый момент, беспокойный ум его разрабатывает очередной план поимки и ликвидации опасного объекта. Плотные сжатые губы его белели от напряжения, периодически напрягались желваки, после чего раздавался чуть слышный скрип зубов, стиснутых с такой силой, что, казалось, они могли бы перекусить стальной прут арматуры. Дима так и не смог позволить себе задержаться взглядом на этом суровом лице. Даже спящий, Калошин внушал ему робость. По спине стажёра пробежал легкий холодок и, невольно вздрогнув, он сосредоточил всё своё внимание на дороге.

О Калошине в конторе ходили легенды. Поговаривали, что в восьмидесятых он возглавлял в КГБ целое подразделение по борьбе с терроризмом и был вхож в самые высокие круги. Тогда же он и разработал свою концепцию Помнящих. Как именно он набрел на эту информацию и кто был его информатором – неизвестно, но выдавший виды сотрудник, матёрый и непримиримый государственник в одночасье превратился в параноика. Теория, озвученная им впервые на закрытом заседании совета безопасности СССР в 1990 году, прозвучала настолько нелепо, что члены совета попросту выставили его за дверь, посчитав его взволнованную речь бредом сумасшедшего. Не внял его словам и его собственный начальник. Страна в тот период нуждалась в решении куда более серьёзных задач, и вникать в теорию спятившего на службе полковника никто не стал. После несогласованной с начальством выходки Калошина тихо подвинули. Памятуя о былых заслугах, его не стали увольнять, позволив дослужить до пенсионного возраста. А затем произошел развал империи. Вместе с крахом могущественной державы по цепочке стали выходить из строя и её основополагающие механизмы. Не миновала эта участь и некогда властную, повергавшую своих врагов в панику одним своим названием структуру. КГБ перестал существовать. Новая власть, стремясь укрепить свои позиции, методично вычищала для себя плацдарм, избавляясь от наиболее опасных, с её точки зрения, руководителей и генералов. Вакантное место быстро заняла но-

вая структура, которую называли мелодичной и совсем уж не страшной аббревиатурой – ФСБ. На место матёрых волкодавов пришла щенявая и неопытная поросль молодых сотрудников. Лишь немногие в ту пору смогли сохранить свои позиции. Каким образом удалось удержаться на плаву Калошину, не знал никто. Он тихо отсиделся в архиве, по крупинкам собирая и каталогизируя информацию, способную подтвердить его теорию. В поле он давно не работал и потому мог сутками напролёт изучать архивные документы, так или иначе связанные с его теорией. Но длиться бесконечно это не могло. В стране начался кризис власти, и некогда богатая структура перешла в режим жёсткой экономии. Урезанного до предела бюджета не хватало даже на обеспечение собственной безопасности, не говоря уже о проведении дорогих зарубежных операций. Потихоньку, одна за другой, покатились волны чисток. Под нож пошли не только ветераны, но и большая часть молодняка, только пришедшего на службу. Вспомнили и про Калошина. Ветерана в принудительном порядке вызвали для участия в праздновании очередной годовщины победы, и уже после празднования и вручения очередных памятных наград в торжественной обстановке объявили о завершении его карьеры. Единственным условием, которое было выдвинуто Калошиным перед увольнением, была аудиенция с директором ФСБ. Что именно тогда сказал Виктор Иванович новому главе службы безопасности, доподлинно неизвестно, но только увольнять его резко передумали. Бо-

лее того, Калошин выхлопотал для себя целый закрытый исследовательский отдел, который, судя по нынешнему финансированию, окупился в самые короткие сроки. Мало кто из рядовых сотрудников имел чёткое представление, чем именно занимался отдел Калошина. Завеса тайны создала Калошинскому подразделению репутацию элитного отряда, стать частью которого было столь же сложно, сколь и опасно.

Прозевав внушительный ухаб, Дима резко дернул руль влево, но подвеска всё же гулко передала удар по корпусу. Калошин вздрогнул и проснулся.

– Далеко ещё? – хмурясь, спросил он у стажёра.

– Минут сорок, Виктор Иванович, – бодро отрапортовал стажёр, стараясь не выдавать своего волнения. – Вы ещё можете покемарить.

Кемарить Калошину больше не хотелось. Он проморгался, сбрасывая дремоту, широко зевнул и, почесав блестящий лысый череп, скомандовал:

– Сначала в школу его заедем, – назвал адрес.

– Нет проблем, – улыбнулся стажёр и достал из кармана навигатор.

Глава 4

Сентябрь 2017 года.

Арендованный в Москве внедорожник с трудом елозил по мокрой грунтовке, то и дело норовя сесть брюхом в глубокую колею. Оставленные позади триста километров пути даже в сравнение не шли с последними километрами до точки назначения. Размытая дорога стала просто направлением, петляя между небольшими деревеньками. Накрапывающий всю дорогу мерзкий осенний дождь ближе к Селигеру превратился в крепкий ливень, вконец изуродовав и без того дурную просёлочную дорогу. Дворники еле справлялись с потоками воды, видимость снизилась до нескольких метров. Почувствовав, что машина начинает буксовать и зарываться носом в глину, водитель остановился. Мысленно поблагодарив себя за предусмотрительность, он перевел трансмиссию в режим 4WD. Арендовать полноприводный автомобиль оказалось замечательной идеей. Включив пониженную передачу, он вновь начал движение.

Рьяно вгрызаясь в грунт, машина начала загребать всеми четырьмя колесами и уверенно поползла к цели. Парень ещё раз сверился с навигатором. Убедившись в правильности выбранного пути, продолжил движение. Спустя некоторое время перед капотом выросла неожиданная преграда – поперек дороги лежало огромное дерево. Поваленная, долж-

но быть, шквалистым ветром, сосна в антураже проливного дождя больше походила на декорацию к голливудскому триллеру. Большой, с метр в диаметре, ствол дерева безапелляционно известил Вадима, что дальше на автомобиле он не проедет. Глубокие овраги по обе стороны дороги не позволяли объехать препятствие.

Мужчина вновь взглянул на экран навигатора. По всему выходило, что до точки назначения оставалось не больше километра. Мысленно чертыхнувшись, Вадим попытался разглядеть дорогу, но дальше корявых ветвей поваленного дерева его взгляд так и не проник. Вариантов не оставалось, и он скрепя сердце выбрался из жарко натопленного салона внедорожника в непогоду. Ледяной дождь полоснул по лицу, заставляя глаза жмуриться. Вадим мгновенно промок до нитки. Одежда прилипла к спине, сильно сковывая движения. Пронизывающий до костей холод начал подбираться к сердцу, заставляя его буквально выпрыгивать из груди. Пульсируя горячими мощными толчками, оно застревало где-то в глотке, вынуждая Вадима поминутно сглатывать комок. Внезапно сквозь шум ливня Вадиму почудился приглушенный звук, напоминающий грудной звериный рык. Парень замер, прислушиваясь. Двигатель? Вертолет? Заплутавшая собака? Он обернулся назад, но сквозь слепящую пелену ливня ничего не было видно. *«Неужели выследили?»* — кольнула где-то под сердцем страшная догадка, но ничего, кроме шума дождя и ветра, Вадим больше не услышал.

Ещё с минуту он изо всех сил прислушивался. Убедившись в собственной паранойе, он всё же решился продолжить путь. Кое-как ему удалось пробраться к скользкому стволу. Поднырнув под него, Вадим неуклюже оступился и наткнулся на острый сук, распоров себе бок до крови. К пронизывающему холоду тут же присоединилась жгучая боль. Приглушенно вскрикнув, неистово ломая мешающие ветки, мужчина со злостью продрался на другую сторону преграды и, прижав рану рукой, двинулся дальше.

Он наизусть помнил маршрут, присланный ему Костей. Но, тем не менее, из-за непогоды уверенности в правильности направления у него не было. Все ориентиры, описанные Костей в «тревожном» письме, казались Вадиму притянутыми за уши. Вот похожая тропа – а может, и нет? Вот тот самый валун в ста метрах от неё – а тот ли? Мало ли тут разбросано валунов да булыжников, думал Вадим, упорно шагая вперед. Он всё дальше продвигался вглубь полуострова, сплошь поросшего камышом и густым кустарником. Тропинку, по которой он двигался последние сто метров, совсем размыло потоками дождевой воды, и только изменившийся шум ливня подсказал Вадиму, что он близок к цели. Спустя минуту он провалился по колено в воду. Дождь вновь усилился и теперь, отражаясь от беспокойной водной глади, бил в лицо Вадима не только сверху, но и снизу.

Раздвинув перед собой буйно разросшуюся траву, он с облегчением увидел шершавую гладь озера. Вода в озере бы-

ла куда теплее, чем температура воздуха. С трудом поборов желание окунуться в теплую воду с головой, Вадим огляделся. Судя по описанию, он был на месте. Немного поодаль сквозь пелену дождя мужчина разглядел продолговатый силуэт лодки, плотно укутанной брезентом. Вадиму предстояло преодолеть на веслах не менее пяти сотен метров по открытой воде. Окинув широкий пролив озера взглядом, мужчина принял единственно верное решение – ждать. Распутав узлы крепления брезента, он с трудом перевалился через борт лодки. Рухнув на дно, вновь накрыл ее брезентом. В такую погоду соваться на середину озера было равносильно самоубийству. Даже здесь, возле берега, волны били о борт с такой силой, что, казалось, хлипкая лодчонка вот-вот перевернется. От неминуемой гибели суденышко спасало лишь то, что Костя загодя умело ее заякорил. Вадиму никогда не было так холодно. Он уже раз сто пожалел о том, что не подумал о волнении на озере прежде, чем выбираться из теплой машины. Идти назад уже не было смысла – обратной дороги он, скорее всего, не найдет, да и сил, признаться, у него не осталось. Приходилось уповать лишь на то, что стихия в скором времени уймется, иначе судьба его ждала незавидная. Замерзнуть насмерть в свои тридцать лет ему не улыбалось, но и подвести Костю он тоже не мог. Он должен его найти, должен предупредить.

Некоторое время Вадим, не шевелясь, лежал на дне лодки. Пытаясь перевести дух и успокоить вырывающееся из

груди сердце, он закрыл глаза, ибо в крошечной тьме под плотным брезентом всё равно ничего не было видно. Злобное завывание ветра снаружи не позволяло расслабиться. Вадим вспомнил про телефон во внутреннем кармане насквозь вымокшей куртки. На удивление, он ещё работал. Посветив себе экраном, Вадим обнаружил на корме небольшой красный ящик. Онемевшими пальцами он с трудом отодвинул скобы, удерживающие крышку, и осмотрел содержимое. К его великой радости, внутри обнаружился плед, сигнальный пистолет с тремя патронами к нему, спички и несколько кусков сухого спирта, заботливо уложенных в алюминиевые чашечки наподобие одноразовых декоративных свечей. Мужчина наспех разделся и, с отвращением отшвырнув подальше от себя мокрую одежду, укутался в сухой плед. Затем негнушными пальцами он осторожно выложил на горизонтальную перемычку лодки сухое горючее и лишь с третьей спички смог его разжечь. От занявшегося робкого пламени он поджег ещё пару импровизированных горелок и аккуратно разложил их по периметру лодки. В замкнутом пространстве минут через десять стало заметно теплее, и Вадим, мысленно поблагодарив предусмотрительного Костю, смог наконец расслабиться. Немного отогревшись и уняв дрожь, он принял решение переждать непогоду здесь. Из-за дождя правильно сориентироваться на озере ему всё равно не удастся, а до сумерек оставалось не менее трех часов.

Мужчина улегся поудобнее, стараясь не намочить всё ещё

сухой плед в воде, плещущейся на дне лодки. Прикрыв глаза, он представил лицо Кости. То-то он удивится, когда увидит его, причаливающего к пристани. Вадим улыбнулся. Всё не напрасно, подумал он, Костя сделал бы для меня то же самое. Только сейчас Вадим ощутил всю тяжесть сегодняшнего дня. Налитые свинцом веки упорно опускались, и сил на то, чтобы разомкнуть их, уже не хватало. В висках гулко стучало. Отогревшийся Вадим провалился в сон.

– Увидишь этого человека – беги! – уговаривал Костя, тыкая ему в лицо фотографией какого-то лысого старикана. Вадим улыбался. Ему казалась забавной строгая манера общения Кости. Он в корне отличался от своих сверстников – отличался своей странной манерой общения, своим поведением, своими суждениями о мире. Иногда Костя подвисал прямо посреди разговора. Создавалось впечатление, что он выскальзывает из этой реальности и видит то, чего не могли видеть остальные. Иногда его залипания длились секунды, а порой он впадал в самый настоящий ступор, настолько сильный, что его приходилось тормошить, чтобы вернуть к реальности. Тогда он, словно очнувшись ото сна, начинал быстро-быстро говорить какие-то несвязные и странные фразы, мог резко сорваться с места и убежать, преследуя какую-то только ему понятную цель. В его речи постоянно проскальзывали незнакомые слова и понятия, которые он употреблял между делом, словно каждый вокруг априори должен был понимать суть сказанного. Они учились в одной школе, в па-

раллельных классах, но дальше сдержанного «здорово» на школьном дворе их общение не заходило. Тогда Вадим ничего особенного в поведении Кости не замечал. После школы они поступили в один вуз, и внезапно Костя изменился. Многие в институте его сторонились, некоторые считали чудачком, иные – психом, основная же масса потока предпочитала не общаться с ним вовсе.

Более тесно Вадим познакомился с Костей при весьма странных обстоятельствах. Много раз видя его на лекциях и зная его имя лишь благодаря утренним переключкам на физкультуре, он, как и большинство ребят с потока, считал его слегка странным и предпочитал не заводить с ним дружбы. Однажды, возвращаясь домой после вечерней пары в институте, Вадим заметил Костю в полупустом автобусе. Тот мирно посапывал на заднем сиденье старенького желтого икаруса-гармошки. Вадим пропустил этот факт мимо себя и, как ни в чем не бывало, достал из рюкзака недавно привезенный отцом из командировки CD-плеер. Нахлобучив поверх капюшона огромные наушники – ультрамодный атрибут меломана нулевых – Вадим погрузился в собственные мысли, прижавшись к холодному стеклу автобуса виском. Мимо проплывал их городок. Мокрые от дождя улицы блестели в свете тусклых уличных фонарей. Кварталы казались безлюдными – жизнь в провинции после десяти вечера постепенно замирала. На очередной остановке внимание Вадима привлек незнакомый паренек, который присел напротив,

несмотря на то, что автобус был практически пуст. Приличного вида опрятный молодой человек, улыбаясь, вопросительно уставился на Вадима. Тот, немного смутившись, решил, что из-за громкой музыки не расслышал обращения к себе.

– Прости, что ты сказал? – переспросил Вадим, оттягивая один наушник в сторону.

– Я говорю, классный плеер, – весело ответил незнакомец, – давно гоняешь?

– Не, дней десять, – не очень охотно ответил Вадим. Знакомиться в транспорте, да ещё и с незнакомыми парнями, отнюдь не входило в его планы. Однако парень настолько обезоруживающе улыбался, что не мог не вызывать к себе симпатию.

– Я тоже себе такой купил, – сказал парень, доставая из внутреннего кармана куртки похожую модель сидюшника. – Что гоняешь?

– КиШ–а, – застенчиво ответил Вадим и тут же смутился собственной реакции на незнакомца.

– Круто! – оживился парень. – А я свои диски уже до дыр заслушал, – и тут же извлек из другого кармана пару дисков, протягивая их Вадиму. – Какой альбом?

– «Герои и Злодеи», – ответил Вадим, беря протянутые диски скорее машинально, нежели действительно желая их разглядеть. Оказалось, что на двух эмпетришных дисках незнакомец хранил золотую коллекцию зарубежного рока.

Такая коллекция в кругах Вадима была на вес золота. От паренька не ускользнул озорной огонек во взгляде Вадима и он, убирая в карман свой плеер, поинтересовался:

– Это их новый альбом, что ли?

– Ну, да, только вышел, – с долей хвастовства ответил Вадим, стараясь показать, что тоже не лыком шит.

– Ну-ка, дай заценить! – парень жестом, не допускающим возражений, протянул руки к наушникам Вадима. Не желая показаться ханжой или трусом, Вадим, стараясь сохранять невозмутимость, протянул незнакомому парню наушники, но автобус в этот момент немного качнуло, и парень с наушниками резко отклонился в сторону, вырывая штекер из сидюшника. Усаживаясь поудобнее напротив Вадима, меломан попросил в руки плеер – мол, неудобно слушать, наклоняясь вперед. Вадим огляделся по сторонам. В автобусе почти никого не было. До следующей остановки было не меньше двух минут езды. Словно прочитав мысли Вадима, парень обезоруживающе улыбнулся:

– Да не ссы ты, куда я с твоим плеером денусь из автобуса-то?

– Не, всё нормально, – соврал Вадим, стараясь вести себя развязнее, – я просто смотрю, где едем, не проехать бы...

– Давай так, – предложил парень, – я заценю пару песен, если понравится, махнемся на время дисками. Я тебе эти два, а ты мне КиШ–а, идет?

– Идет! – обрадовался Вадим, не веря в такую удачу и,

немного успокоившись, принялся изучать плейлист вождов-
ленных дисков.

Автобус добрался до очередной остановки, двери с шипением открылись. Вадим взглянул краем глаза на парня. Тот сидел напротив, прикрыв глаза и запрокинув голову назад. Максимально расслабленный, казалось, он полностью погрузился в мир русского панк-рока. Вадим, потеряв бдительность, вновь перевел взгляд на диски. Автобус, простоявший всего несколько секунд на остановке, с оглушительным шипением начал закрывать двери. В старых автобусах пневматические доводчики дверей срабатывали не сразу. Механизм то и дело заедало, и отъезжающие от остановки автобусы нередко первые десятки метров зияли открытыми проемами дверей. Зная эту особенность, многие щипачи пользовались ею. А многие нерасторопные граждане частенько лишались своих вещей именно в такие моменты. Расчет был простой – хватай и беги. Мало кто успеет опомниться, и ещё меньшее число лохов выпрыгнет из движущегося автобуса вслед за грабителем. Именно на это и рассчитывал новый «знакомый» Вадима, резко ломанувшись в закрывающийся дверной проем автобуса.

– Эй, сука, стой! – только и успел прокричать Вадим, порываясь выпрыгнуть следом за вором. Ему подыграл водитель автобуса, вовремя оценивший ситуацию. Он притормозил и открыл Вадиму дверь. На ходу выпрыгнув из икаруса в ночную прохладу и мгновенно оценив ситуацию, Вадим

пустился за улепетывающим в сторону гаражей грабителем. Физически он был куда крепче воришки, да, к тому же, и бежал Вадим в ту пору очень быстро – сказывались регулярные тренировки в местной футбольной команде. Ему не составило большого труда нагнать парня. Адреналин и азарт погоны раззадорили его. Он почти нагнал вора и уже предвкушал расправу над ним, как вдруг тот резко свернул за угол гаражей. Свернув за ним следом, у первого же стального гаража-ракушки Вадим получил страшный удар в лицо. Впервые в жизни он на себе ощутил, что означает выражение «искры из глаз».

На некоторое время он потерял ориентацию. Перед глазами плыли ослепительные круги света, сменяясь черными разводами и сужая поле зрения до одной маленькой черной точки. На короткое время Вадим даже потерял сознание, а очнувшись, обнаружил себя лежащим в луже. Сперва показалось, что он просто врезался в какое-то дерево или железяку, но спустя мгновение он понял, насколько крепко ошибался. Медленно поднявшись, он увидел перед собой того самого парнишку со своим плеером в руках. Рядом с воришкой стоял здоровенный мужик в потертом спортивном костюме. Верзила улыбнулся беззубым ртом и, хрустнув костяшками пальцев, двинулся к Вадиму. Едва устояв на ногах и еле сдерживая тошноту, Вадим попытался ретироваться, здраво оценив шансы на успех в случае открытой драки. Но едва он повернулся к преследователю спиной, чтобы убежать прочь,

как перед ним выросли ещё две фигуры. В руках одного была бита, видимо, та самая, что минутой ранее вышибла из него дух. Ловушка захлопнулась. Вадим явственно понял, что одним украденным плеером сегодня он не отделается. Чувство глубокой досады сильно обожгло его. Как же он мог настолько легко купиться на такой простой развод? Четверо на одного, а главное, как ловко подобрано место: ни жилых домов, ни магазинов поблизости. Лесополоса да спящие гаражи. Хочешь – кричи, хочешь – беги, всё равно не спасешься.

Повисла тяжелая пауза. Беззубый подошел вплотную. Пахло перегаром и чесноком, видать, не так давно ребята неплохо закладывали за воротник.

– Ну что, сам отдашь, или мне поискать? – слегка шепелявя, спросил беззубый. Вадим с трудом подавил тошноту, сглатывая страх сухим ртом.

– Отдам что? – наконец смог вымолвить насмерть перепуганный парень и тут же сложился пополам, хватая немym ртом воздух. Удар в «солнышко» был настолько внезапным, что дыхание сбилось минуты на две. В глазах опять потемнело от недостатка кислорода, но на этот раз разлеживаться ему не дали. Те двое, что перекрыли путь к бегству, легко подхватили Вадима сзади и поволокли в глубь гаражного кооператива. Прислонив его к стенке в каком-то тупичке, они заломили ему руки за спину, вставив за локти биту и тем самым пресекая всякую возможность сопротивляться.

– Шмонай его! – коротко отдал приказ беззубый. Тот са-

мый парнишка, что выхватил у Вадима плеер, бодро ощупал его одежду. Тем временем третий вытряхивал из его рюкзака всё, что там было. В лужу полетели учебники, тетради, сменка на физкультуру, мамины бутерброды, которые Вадим так и не успел сегодня доест. В ту же лужу полетел и уже пустой рюкзак.

– Пусто, – сообщил обыскивающий рюкзак парень.

– У меня тоже, – ответил ему «меломан», и оба отошли на пару метров, давая дорогу беззубому.

– Значит, терпила всё скинул до нас, – сделал неутешительный для Вадима вывод шепелявый. Посмотрев каким-то странным взглядом на Вадима, добавил:

– Тем интереснее будет дело.

Вадим искренне не понимал, что именно они ищут, но возразить ничего не успел. Парень, стоявший сзади, резко поднял биту с заплетенными вокруг нее руками жертвы. Вадим вскрикнул от боли и по инерции наклонился вперед. Тут же ему в лицо прилетел страшный удар ногой от беззубого.

– Лавеха где, мудила? – зверея, выкрикнул беззубый, хватая Вадима за волосы и поднимая к тусклому свету одинокого фонаря его разбитое в мясо лицо. Кровь тут же начала затекать Вадиму в горло, он начал захлебываться ею, хрипя и задыхаясь. Беззубый свирепел на глазах. Последовала серия жестоких ударов кулаком по голове, и Вадим вновь упал в грязную лужу. Сильно пахло мочой и фекалиями – днем в подобных закоулках справляли нужду спешащие по своим

делам горожане, а сейчас в этой луже валялся с расквашенным лицом Вадим, мечтая лишь о том, чтобы это унижение поскорее завершилось.

– Шухер, – шепнул «меломан» чуть слышно. Все трое обернулись в сторону, куда указывал младший член банды. Вадим, с трудом приподнявшись, увидел метрах в десяти перед собой силуэт.

– Слышь, шёл бы ты на хер отсюда! – злобно выкрикнул беззубый. Но силуэт молча приближался.

– Чё, проблем мало по жизни? – вновь вызывающе обратился к незнакомцу главарь, жестами показывая подчиненным, что нужно обойти незваного гостя с боков. Тем временем тот приблизился ещё на несколько метров и остановился, спокойно дав себя окружить.

– Отчаянный debil... – прорычал беззубый и, недолго думая, двинулся к незнакомцу, но тот вдруг резко поднял вверх руку, и вся гоп-компания замерла как вкопанная. Тусклый луч от фонаря осветил небольшой округлый предмет в его руке.

– Граната... – прошептал «меломан», находившийся ближе всех к чокнутому незнакомцу.

– Валим! – выкрикнул он и быстро побежал прочь от гаражей. Двое других сообщников переглядывались в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу. Беззубый же не шелохнулся, пристально вглядываясь в каменное лицо внезапного оппонента.

– Учебная, – прорычал он и вновь сделал шаг в сторону парня с гранатой.

– Рискни, проверь, – послышался молодой голос, показавшийся Вадиму знакомым. С этими словами незнакомец другой рукой выдернул чеку и бросил кольцо в беззубого. Двое парней по бокам заколебались ещё сильнее.

– На понт берет, сука, – продолжал идти ва-банк беззубый, но подходить ближе не решался, явно оценивая ситуацию и лихорадочно перебирая возможные варианты ее развития. – Откуда у него может взяться граната?

Один из сообщников не выдержал напряжения и выкрикнул:

– Колян, ну его на хер, псих какой-то!

– Завали хлебало, тварь, – рявкнул беззубый, – ты ещё мой адрес им скажи, чепушило! Учебная она! Бля буду!

– Ну как знаешь, – на удивление спокойным тоном ответил незнакомец и быстро выронил гранату под ноги Коляну. У Вадима по спине пробежал холодок, и животный страх заставил упасть лицом прямо в вонючую лужу. Этому же примеру последовали и двое подручных Коляна. Сам же беззубый, ничуть не сомневаясь в том, что незнакомец блефует, ринулся в атаку, но как только он приблизился к парню, раздался оглушительный хлопок. На мгновение всё вокруг стихло. Затем Вадим ощутил нестерпимую боль в ушах, а вслед за этим дико зазвенело в голове. Казалось, в мозгах только что взорвали огромную петарду и она разворотила

добрую половину черепной коробки. В таком состоянии Вадим провел секунд десять, не понимая, погиб он после взрыва или уцелел. Руки и ноги не слушались, а сердце он вообще не мог найти в своем организме – то ли от страха, то ли от того, что оно больше не билось. Но в какой-то момент он почувствовал, как его пытаются поднять. Он открыл глаза и увидел прямо перед собой Костю. Тот смотрел на него и постоянно шевелил губами, словно огромная рыба. Вадиму показалось это забавным, но, учитывая ситуацию, он не понимал, зачем Косте этот цирк, неужели он не может нормально сказать, чего хочет? Но Костя никак не унимался и всё шевелил губами, показывая куда-то в сторону. Тут до Вадима дошло, что Костя не просто шевелит губами, он орет изо всех сил, просто от взрыва гранаты они оба оглохли и ничего не слышат. Вадим не без труда поднялся с колен на ноги и огляделся. Одного из бандитов не было на месте. Тот, что держал его минутой ранее, сейчас ползал по луже на четвереньках и никак не мог подняться. Чуть поодаль, держась за глаза и корчась от боли, валялся беззубый Колян. Костя в очередной раз жестами привлек к себе внимание Вадима и показал, что нужно убираться отсюда подобру-поздорову. На этот раз Вадим понял Костю без слов и охотно последовал за неожиданным спасителем. Они бежали дворами не меньше двадцати минут. Слух постепенно возвращался, но голова трещала так, что Вадим понял, что вот-вот потеряет сознание. Уцепившись за Костю, он остановился возле какого-то

подъезда. Секунд десять потратил на то, чтобы сориентироваться на местности, а в следующий миг его вырвало прямо на одежду своего спасителя. Ещё несколько секунд спустя Вадим упал как подкошенный, и его сознание потухло.

Глава 5

Сентябрь 2017 года.

Косте не спалось этой ночью. Под натиском проливного дождя со шквальным ветром панорамные окна дома ходили ходуном, грозясь вылететь из рам. Только к двум часам ночи его сморила тяжелая, полная тревоги и дурного предчувствия дрема. Он проворочался несколько беспокойных часов в каком-то бреду и уже в половине шестого утра лежал на смятой, мокрой от пота постели с широко открытыми глазами, тщетно пытаясь припомнить свой кошмарный сон. Марина в такую рань ещё крепко спала, а значит, у Кости есть пара часов для себя. Одним решительным рывком он встал с кровати, наспех оделся и вышел из дома на широкую веранду. Ливень бушевал всю ночь. Молнии вперемешку с раскатами грома служили прекрасным антуражем для ураганного ветра, сокрушающего всё на своем пути. Но сейчас зябкое утро проникало в сознание Кости оглушительной тишиной. Он огляделся. В прохладном неподвижном воздухе витал запах озона. Сочная зелень коротко остриженного газона в саду была блестящей от воды, размашистые лапы деревьев под тяжестью мокрых крон клонились к земле. Тут, то там на выложенной декоративным камнем тропинке, петляющей по саду, валялись обломанные ветром ветки. Ночной ураган с грозой, внезапно обрушившийся на Твер-

скую область, причинил немало разрушений. Костя отметил выломанную с корнем абрикосину у края участка. В самом углу сада лежала, покореженная стихией, метровая лопасть ветряной электростанции – что ж, это объясняет отсутствие в доме электричества. Оценивая ущерб, Костя двинулся по дорожке к озеру. Дом располагался на возвышенности, а весь участок тянулся к воде под небольшим уклоном. Спускаться было легко, но резиновые кеды то и дело скользили на камнях, укрепляющих береговую линию. Он подошёл к калитке метровой высоты и остановился, вглядываясь вдаль. Перед ним предстал тот самый вид, из-за которого Костя и решил поселиться в этом месте. По ртутно-черной блестящей глади озера от дальнего острова ползли густые языки белого тумана, бережно укутывая ее добрую половину. На противоположном берегу, прямо над туманом, величаво раскачиваясь, громоздились вековые сосны, живой стеной укрывая и оберегая уединение, которого так жаждал Костя все эти годы. Ночная гроза сменилась серым утренним безмолвием. Природа, словно приходя в себя, отсыпалась после тяжелой ночной смены. Безупречно ровная черная водная гладь изредка нарушалась правильными кругами от игры рыбы. То тут, то там из-под толщи воды вырывались мириады пузырьков, растворявшихся в воздухе с легким, почти неуловимым шипением. Костя закрыл глаза и полной грудью втянул прохладный утренний воздух, насыщенный влажным ароматом пряных трав и хвои. Этот воздух вкупе со звенящей тиши-

ной одновременно успокаивал и пьянил, расслаблял и придавал сил.

С минуту Костя стоял на берегу, с головой погружившись в созерцание величия природы. Затем он вновь открыл глаза, прислушался. Из дома не доносилось ни звука. «Спит ещё», – подумал Костя и решил проверить лодки у причала. Пройдя вдоль берега метров тридцать, он обогнул свой небольшой полуостров и оказался в его дальней части. Перед ним открылась не менее захватывающая картина. Огромное озеро раскинулось водной гладью на многие километры, укрывая в своей пойме бесчисленное множество островков, густо поросших зеленью и исполинскими соснами. Метров на десять в глубь озера вдавалась крепкая деревянная пристань на сваях. За саму пристань Костя не волновался, конструкция была надежной, его больше интересовала сохранность лодки и небольшого катера – единственных средств передвижения, связывающих его укромный уголок с остальным миром. К его большому облегчению, оба судна оставались пришвартованными к пристани. Плотно укрытые брезентом, они, казалось, вовсе не пострадали. Костя взобрался на дощатую пристань и прошелся по ней до самого края. Поднялся легкий ветерок, по озеру прошла слабая рябь. Лодки приветливо хлюпали дюралевыми днищами, словно радуясь появлению хозяина. Костя ещё с минуты постоял на краю пристани, любясь занимающейся зарей. Насладившись пейзажем, он решил было вернуться в дом,

но краем глаза метрах в двухстах от себя вдруг заметил то, что заставило его сердце судорожно сжаться. Где-то в груди с новой силой встрепенулась тревога, виновница его ночного бдения. Костя пригляделся. Нет, не показалось – на середине озера медленно и неуклюже дрейфовала наполовину притопленная лодка. Та самая лодка, которую он лично оставлял на другом берегу для связи. Он сам называл ее тревожным плотом, поскольку ее появление не сулило ничего хорошего. Прикинув в голове все варианты, спустя минуту он уже налегал на весла. Марина могла проснуться в любой момент, но оставлять без внимания столь важный знак Костя не мог. Гребя изо всех сил, он мысленно молился, чтобы это оказалось лишь случайностью. Был шторм, уговаривал он себя, лодку могло сорвать и просто унести ветром... но тревожное предчувствие не покидало его. Он лично спрятал эту лодку, надежно заякорив и замаскировав. За свои долгие жизни Костя четко усвоил, что вселенная крайне скупа на случайности и совпадения. Любая случайность чаще всего оказывается результатом чьего-либо умысла, доброго или злого. Единственной живой душой, знавшей про эту лодку, был Вадим. И воспользоваться ею он мог лишь в одном случае. От этой мысли у Кости по спине пробежал холодок, внизу живота противно потянуло. Спустя пару минут он добрался до середины озера и крюком подтянул к себе тревожный плот. Лодка оказалась пуста. Наполовину залитая водой, она чудом оставалась на плаву. Угол плотного брезента был от-

вернут, возможно, лодку притопило дождевой водой. Внутри плавал раскрытый тревожный чемоданчик, ракетница валялась на дне. Беглый осмотр почти ничего не дал, и Костя решил вернуться к берегу. Взяв тревожный плот на буксир, он направил свою лодку к пристани. Что могло произойти? Вадим мог воспользоваться этим средством связи лишь в одном случае – если за Костей открылась охота. И, к сожалению, Костя знал возможного преследователя. Но куда мог подеваться сам Вадим? Что же произошло на той стороне озера? Отбрасывая самые страшные версии, Костя терялся в догадках. Одно он понимал наверняка – времени было очень мало. Возможно, его уже нет. Дно его лодки заскребло о песчаный берег. Легко перемахнув через борт, Костя оказался по колено в воде. Он быстро вытянул на берег обе лодки и, отдышавшись, принялся изучать свою страшную находку. Развязав все крепления, он откинул брезент в сторону. От увиденного у Кости похолодело всё внутри – вода на дне отливала красным. Кровь? Что же стряслось с Вадимом? Костя принялся лихорадочно перебирать все вещи, находившиеся внутри лодки. Куртка, рубашка, несколько свечей сухого горючего и пустые гильзы от сигнальных ракет. Значит, Вадим пытался дать о себе знать. Естественно, в такую грозу никто не заметил алого свечения сигнальных ракет. Но откуда кровь? Он был ранен? Возможно, его преследователи следили за ним, а когда он добрался до лодки, застали врасплох... Версии стай назойливых мух роились в голове Ко-

сти, но ни одна из них не могла быть ни подтверждена, ни опровергнута. В конце концов, лодку могли найти местные рыбаки и устроить весь этот бедлам. Но плохое предчувствие всё же не покидало его, утягивая фантазию Кости далеко за пределы реальности. Вдруг до его слуха донесся тихий звон – это проснулась Марина. Костя резко поднялся и бросился к дому, но, запутавшись в небрежно отброшенном брезенте, упал на песок. Быстро вскочив на ноги, он сделал ещё пару шагов в сторону дома, как вдруг краем глаза заметил нечто странное. Колокольчик вновь зазвонил, уже более настойчиво. Марина уже волновалась, но Костя стоял как вкопанный. Он медленно вернулся к брезенту и, ухватившись за его край, аккуратно растянул его на песке. На обратной стороне полотна он увидел надпись, явно сделанную наспех. От увиденного в горле Кости пересохло. Надпись была сделана кровью: «Я – ЭТО ТЫ, БЕГИТЕ!».

***

Марина медленно открыла глаза. Она бросила взгляд на часы – было без четверти шесть утра. Затем перевела взгляд на другую половину комнаты, где стояла кровать Кости. Она была пуста и не заправлена. «Неряха», – подумала девушка и улыбнулась, с нежностью глядя на легкий беспорядок. Обычно Костя просыпался в одно время с ней или немного раньше и принимался готовить завтрак. Но сегодня Марина не чувствовала знакомого запаха поджаренного бекона с яйцами. В доме было очень тихо, лишь громкое тиканье настен-

ных часов выдавало присутствие Кости. Часы были древними, и он каждый день начинал с того, что заводил их. Если часы тикают, значит, Костя уже завел их и ушел в сад. Ночью была гроза, должно быть, он пошел проверить, всё ли в порядке с домом, подумала Марина и немного успокоилась. Она не любила оставаться одна. В ее положении остаться одной означало медленно умереть, и они часто говорили с Костей об этом. Пожалуй, одиночество было её единственным страхом в жизни. К мысли о своей преждевременной смерти она давно привыкла и, как ей казалось, даже смирилась с ней. Но одно дело – уйти из жизни, чувствуя в своей руке горячую ладонь любимого, и совсем другое – отойти в мир иной в полном одиночестве. Это стало её навязчивой фобией, единственным на свете поводом для капризов и истерик. Марина очень гордилась своей способностью не терять присутствия духа. Несмотря на свою ущербность, она могла похвастать негибимой силой воли, но всё это было на людях. Стоило ей хоть на полчаса остаться в одиночестве, как вся ее бравада улетучивалась. Она начинала паниковать, теряла способность мыслить рационально и в конце концов превращалась в беспомощного ребенка. Она вновь взглянула на часы. Кости всё не было. Терпеливо отсчитав десять минут, она приняла решение действовать, хотя в ее положении это было не таким уж простым занятием. Девушка вновь повернула голову в сторону часов и сфокусировала взгляд на цепочке, аккуратно лежавшей на подушке рядом с изголо-

вьем. Ценой невероятных усилий он заставила свою правую руку пошевелиться. Сегодня ей это удалось немного легче, чем вчера. Она обрадовалась этой новости и принялась за тяжелую работу. Сантиметр за сантиметром она продвигала свою руку вверх, к голове. Конечно, можно было сделать это и зубами, ведь голова и шея двигались куда лучше, чем остальные части тела, но она всегда предпочитала идти самым сложным путем, хотя бы в качестве тренировки. Единственной конечностью, которой она всё ещё могла управлять силой воли, была правая рука. Остальные она не чувствовала уже несколько месяцев. Спустя две минуты она смогла дотянуться до своей цели. Онемевшие, словно не свои пальцы нехотя подчинились её воле и медленно обвили цепочку. Марина возликовала. Эта маленькая победа далась ей сегодня гораздо легче. Она медленно потянула за цепочку, раздался звон колокольчика. Тишина. Никто не отозвался. Марина, всё ещё сохраняя победную улыбку на лице, вновь дернула за цепь. Колокольчик зазвенел более требовательно, но ответом ему по-прежнему была тишина. В доме никого не было. И, судя по тому, что Костя всё ещё не появился, он был не в саду. Он никогда не заставлял её ждать долго. За редким исключением, он появлялся не позднее третьего звонка, а потом глупо шутил, что в антракте была очередь в буфет. Эта его идиотская шутка неизменно вызывала на лице Марины улыбку, потому что она знала – это их шутка, только их и ничья больше. После третьего звонка начиналось действие.

И этот спектакль продолжался вот уже третий год. Марине нравилось, что никто, кроме Кости, не играл в этом театре. Это была их постановка. Режиссером всегда выступал Костя. Он, собственно, и писал сценарий их жизни. Её жизни. Он единственный, кто не отвернулся от неё. Он один, кто остался рядом. И это именно он нашёл этот замечательный остров. Остров, где они оба были куда счастливее, чем многие другие. *А оба ли?* Марину всегда занимал этот вопрос. Эта мысль, занозой сидевшая в её голове, саднила всякий раз, как она поддавалась страху. А вдруг он уйдет? Вдруг ему надоест это всё? С чего вдруг молодой, здоровый, обеспеченный парень добровольно взвалил на свои плечи такую обузу? Кому она ТАКАЯ нужна? Марина сама не заметила, как из её глаз градом хлынули слезы. После второго звонка ей уже трудно было унять свою панику. Она не могла крикнуть, не могла встать, не могла даже толком пошевелиться. Без него она умрёт, и он это знает. Он знает и не предаст её. Не предаст. Никогда. Она заливалась слезами в беззвучном рыдании. Не выпуская из рук драгоценную цепочку – единственную нить, связывающую её с внешним миром – она всё же боялась сделать третий звонок. Страх сковывал её и без того безвольное тело. И в тот самый момент, когда она всё же решилась в третий раз потянуть за цепочку, за дверью послышались торопливые шаги. Марина просияла. Паника отступила так же быстро, как и нахлынула. Она не могла вытереть слез и, осознав это, сильно устыдилась своей временной ду-

шевной слабости. Но всё же она была бесконечно счастлива, когда на пороге появился Костя. Он влетел в комнату, словно ураган. Мгновенно оценив ситуацию, он сделал три глубоких вдоха, прежде чем начал говорить.

– Доброе утро, любимая.

Костя наклонился и нежно поцеловал её в лоб холодными трясущимися губами. Она медленно кивнула ему, улыбаясь, не сводя с него своих огромных ярко-голубых глаз. Он заметил слёзы и, бережно смахнув их ладонью, вновь прильнул к ее лбу губами.

– Прости меня, прости, милая. Я знаю, ты испугалась. Сколько раз ты звонила? Два? Три? Я, – он запнулся, – я проверял, всё ли в порядке.

Марина уставилась на него вопросительным взглядом.

– Ночью прошел ураган, и сад потрепало. Ветряк сломался.

Костя уже вовсе бегал по комнате, собирая всё необходимое для утренних гигиенических процедур.

– Представляешь, – стараясь не показывать своего волнения, продолжал он, – лодку унесло. Пришлось плыть к ней на середину озера. Холодно, жуть, продрог!

Он налил в тазик горячей воды, вооружился тряпкой и приготовил специальный мыльный раствор. От Марины не ускользнул тот факт, что обычные манипуляции, которые он проделывал изо дня в день, этим утром давались ему с трудом. Он старался как можно бережнее приподнимать её до

безобразия худые ноги, протирая их поочерёдно. Профилактика пролежней при боковом амиотрофическом склерозе – одна из самых важных процедур. Многие пациенты с этой болезнью не доживают и до сорока, зачастую умирая от развивающегося септического шока на фоне постоянно гниющих пролежней. Всё это Марина прочла в интернете, когда впервые узнала о своей болезни. Прочла, когда ещё могла двигаться и сидеть за компьютером. Редкий диагноз ей поставили в 27 лет. Молодой доктор с упоением рассказывал шокированной Марине о том, что ее случай один на сто тысяч в популяции, что в его практике она первый пациент с таким диагнозом, и старался утешить её тем, что она совсем не потеряет рассудок. Сомнительная радость, с её точки зрения. Умирать от паралича и полностью осознавать этот факт – это, конечно, чудесно, но она предпочла бы пулю в лоб взамен такой радости.

– Пострадать могут только моторные нейроны, – продолжал эскулап, – из-за них вы со временем перестанете двигаться, а мышцы при этом атрофируются настолько, что...

– Я буду напоминать живой скелет, – продолжила за доктора девушка. – Доктор, вы просто душка!... – саркастично улыбнувшись, ответила на всю эту тираду Марина и подписала все необходимые отказы от продолжения пребывания в стационаре.

Умереть она решила дома, а не в больничных стенах. Кто-то из знакомых пытался утешить её тем, что, например, Сти-

вен Хокинг мог жить и даже работать с таким диагнозом. Марине этот утешительный факт тоже показался сомнительным, она же не физик-теоретик. Она простой историк-искусствовед. Музей имени Пушкина будет просто в восторге от такого «мобильного» экскурсовода. Марина тогда много на кого обижалась, а больше всего она обижалась на своих родителей, которых никогда не видела и которые, как выяснилось, наградили её таким чудесным набором хромосом. Может, поэтому они и бросили её младенцем, кто знает?

Костя тем временем закончил её туалет и, бережно протерев все складки кремом, передел в повседневную одежду. Затем он нежно взял её на руки и аккуратно усадил в электрическое кресло-каталку. Её рука привычно обосновалась на джойстике управления. Теперь она не чувствовала себя такой беспомощной. Новейшее чудо инженерной мысли, её кресло, было способно передвигаться с приличной скоростью и преодолевать всевозможные препятствия. Привычные колеса на кресле были заменены на гусеницы с регулируемым углом наклона передних катков, что позволяло без особых усилий преодолевать даже небольшие лестничные пролеты. Резиновые гусеницы позволяли передвигаться почти бесшумно, лишь слабое жужжание электропривода оставалось неизменным спутником ее перемещений, но к этому звуку девушка довольно быстро привыкла. Первым делом Марина подъехала к панорамному окну в гостиной. Легким щелчком на джойстике она перевела кресло в режим

манипулятора, и из правого подлокотника сначала робко, но затем более уверенно показалась механическая рука, отдаленно напоминая стрелу экскаватора. Этим манипулятором Марина могла выполнять внушительное количество простейших на первый взгляд действий. Здоровому человеку и в голову не приходит, что на свете существуют люди, которым не под силу взяться за дверную ручку и, повернув ее, открыть дверь. Несмотря на свое положение, Марина справлялась и с более сложными задачами. Она могла проворачивать замки, включать и выключать воду в кране. Костя радовался, словно ребенок, когда она впервые продемонстрировала ему процесс наполнения стакана водой. Механическая рука, словно живая, аккуратно взяла стакан со стола, поднесла его к раковине и поставила точно под краном. Затем так же спокойно повернула джойстик холодной воды в сторону и вверх, наполнив стакан доверху. Так же четко эта рука взяла стакан в свою прорезиненную клешню и напоила хозяйку. Весь процесс занял не более пяти минут, но эти пять минут вселили в них уверенность в завтрашнем дне. Такие маленькие победы над болезнью придавали молодым людям сил и позволяли с надеждой смотреть в будущее. Не всё потеряно, жить можно и так. Жить и любить. И они любили. Каждый по-своему.

Марина, как ей казалось, полюбила Костю задолго до того, как он впервые обратил на неё внимание. Тогда молодая и амбициозная стажёрка, только устроившись в его лабора-

торию, скорее бы сгорела на месте со стыда, чем показала на людях свою увлеченность основателем фирмы. Костя пригласил её в свою команду, впечатлённый её работой в музее. Ярый фанат ультрамодных гаджетов, он вел работу над новейшей интеллектуальной системой сопровождения посетителей выставок. В тот день он испытывал прототип первых отечественных очков дополненной реальности. В элегантной тонкой оправе со встроенными наушниками эти очки, повинувшись программе, написанной самим Костей, в режиме онлайн фиксировали тот или иной шедевр искусства камерами высокого разрешения, а затем предоставляли всю исчерпывающую информацию о нём прямоком из интернета. Первые результаты впечатлили Костю, но к середине экспозиции он начал понимать, что этому чудо-гиду чего-то не хватает. Информации было более чем достаточно. Голос, озвучивающий её, не шел ни в какое сравнение ни с одним из современных голосовых помощников по качеству передачи интонации и эмоциональной окраске. Но, тем не менее, чего-то ему не хватало. Эта мысль, словно заноза, сидела в голове изобретателя, не давая ему покоя. Она преследовала его днем и ночью. Изо дня в день. Костя допиливал программу каждую свободную минуту, меняя параметры изложения и стараясь привнести в текстуру речи больше человечности. Выходило довольно сносно. Все, кто хоть раз испытывал на себе эту разработку, приходили в неопикуемый восторг, но сам Костя не разделял мнения фокус-группы. Он чувствовал, что этой

программе недостает какой-то важной детали. Чего-то фундаментального. В один из таких экспериментальных дней он и встретил Марину. Он стоял напротив репродукции Давида и внимательно поглощал информационный поток из просторов всемирной паутины, как вдруг до его слуха донеслась «ангельская музыка». Так впоследствии он описал то чувство, которое испытал при встрече с молодым искусствоведом Мариной Ивановой. Она подвела свою небольшую группу к одному из самых знаменитых творений Микеланджело и, выдержав секундную паузу, не просто начала рассказывать – она начала жить той эпохой. Её речь лилась по залам, отражаясь от стен и петляя по лабиринтам музейных комнат, словно нескончаемый поток сознания. Она столь живо и ярко описывала словами то, что великий зодчий пытался передать потомкам, что Костя невольно снял свою дорогую игрушку и уже не смог оторваться от её повествования. Как замороженный он ловил каждое слово искусствоведа, каждую реплику. Запоминал интонацию и силу нажима на слова. Пытался сохранить в памяти всю энергетику её выступления, но вовремя спохватился. Это невозможно было запомнить. Это невозможно было воспроизвести. Этим нужно было жить! Именно этого не хватало его изобретению. Не хватало жизни в том потоке информации, который выливался на слушателя. Вся жизнь была в этом тонком, но всё же сильном, волевым голосе хрупкой девушки. Костя влюбился в её голос с первых минут знакомства с ним. Он пристроился к группе

слушателей и в течение следующих полутора часов не мог уже оторваться от её повествования. Возвращаясь домой и размышляя о встрече с девушкой, он не мог поверить в то, что на свете есть такие увлеченные своей работой гиды. Эта девушка не просто работала в музее – она жила искусством. Подходя к дому, он уже знал наверняка, что завтра вновь вернётся в Пушкинский музей и сделает этой девушке такое предложение, от которого она уже не сможет отказаться. Она должна была помочь ему вдохнуть жизнь в его изобретение. Должна была научить машину думать и чувствовать. Соединив её энергетику с колоссальной базой данных его продукта, они могли бы в корне перевернуть представление человечества об искусстве. Вдохнуть новую жизнь в умирающий вид деятельности. Вернуть миру шедевры и заставить по-новому смотреть на них миллионы людей.

Марина улыбнулась теплему воспоминанию, словно старому другу и, легонько коснувшись пальцами джойстика, развернулась к Косте. Он возился с чем-то в ящике комода в дальнем углу комнаты. Не прошло и минуты, как Марина поняла: он собирает вещи. Она медленно подъехала к нему и, остановившись чуть поодаль, с выразительным вопросом на лице стала наблюдать за его действиями. Костя складывал в небольшой рюкзак их документы, медицинские карты, пачки денег. Её изумлению не было предела, но девушка по-прежнему хранила молчание.

– Нам придется уехать отсюда, – не оборачиваясь, сказал

Костя. – Просто поверь, так будет лучше.

Он отошел к шкафу-купе, встроенному в противоположную стену, и принялся укладывать в рюкзак одежду. Не разбирая, он наспех утрамбовывал свои и маринины футболки, брюки, носки и нижнее белье. Стараясь не смотреть ей в глаза, он вновь вернулся к комоду, видимо, вспомнив про ещё какие-то документы и, уткнувшись в недра выдвинутого ящика, замер. В комнате повисла тяжелая тишина. Марина почувствовала сильное напряжение в поведении Кости, и это стало её нервировать. Она ничуть не испугалась, скорее, поведение возлюбленного её даже интриговало, но вместе с тем и напрягало. *Почему он не скажет прямо, что произошло?* Таким она видела его впервые. Всегда собранный, спокойный и до безобразия флегматичный, сейчас он вел себя, словно студент перед первой сессией. Он явно был напуган или даже растерян, чем сильно подогревал любопытство Марины. Костя тем временем вышел из оцепенения, достал из комода ещё одну небольшую сумку и быстрыми шагами направился на кухню. Там он наспех сгреб в нее всё, что казалось ему пригодным в пищу и, наконец повернувшись к Марине лицом, заявил:

– Нас ждет путешествие. Долгое и трудное. Скорее всего, мы больше сюда не вернемся. Прощайся, – Костя обвел взглядом дом, – и давай к катеру.

Внезапно он понял, что не на шутку испугал Марину. Подойдя к ней и присев на корточки, он сказал:

– Ничего не бойся, слышишь? Я знаю, что делаю. Просто верь мне.

И Марина поверила. Она молча кивнула ему и взглядом показала на катер, мол, *давай заводи моторы*. Он весело подмигнул ей, стараясь всем своим видом придать ситуации повседневный облик, и пошел к катеру. Марина же, следуя его совету, обвела взглядом такие родные и уютные стены их дома. Девушка мысленно поблагодарила их временное пристанище за уют и тепло. Затем, подгоняемая интригующим предвкушением грядущих перемен, она быстро выкатилась на улицу вслед за Костей.

Глава 6

За семь дней до этого.

Калошин экзаменовал стажёра. После тяжелого, перенасыщенного беготней и обилием информации дня они уединились в самом дальнем углу местной трактирии. Сделав более чем скромный заказ – двойной эспрессо и паста карбонара, Виктор уставился на молодого напарника, буравя его тяжелым взглядом. Дима, стараясь не обращать внимания на попытки наставника смутить его, с напускным видом искушенного гурмана изучал меню. Наконец, сделав свой заказ и нарочно выбрав самый дорогой стейк из мраморной говядины и ризотто с морепродуктами, парень отпустил официантку и поднял взгляд. Они встретились глазами, и на этот раз Дима не отводил взгляд целых тринадцать секунд, но всё же, не выдержав холодного, пронизывающего до костей взора Калошина, потупился в пустую тарелку. Выдержав минутную паузу, Виктор нарушил молчание:

– Ну, давай, вещай, – Дима взглянул на Калошина, изобразив удивление.

– Что именно вас интересует, Виктор Иванович?

– Твои выводы. Что увидел, что заметил, как думаешь дальше действовать. Или ты решил, что я тебя выбрал лишь из-за твоих водительских навыков?

Стажёр улыбнулся. Он и сам заметил, что Калошин уже

третий раз подряд берет его с собой в поле. Однако, учитывая тот факт, что первые два раза он и словом с ним не обмолвился, именно так парень и решил – гуру необходим водитель, который не задает лишних вопросов.

– Сегодня мы выяснили много деталей для составления психологического портрета подозреваемого, – захлопывая тяжелую папку меню, сказал Дима. – Единственный вопрос, который мне не ясен – в чем именно мы подозреваем этого Сергея Бородина?

– А, тебе информации мало? – хмыкнув себе под нос, спросил Калошин.

– Конечно. Сами посудите: вы берете меня в поездку, не разъяснив её сути. Мы весь день колесим по Рязани – школа, училище, адрес прежней прописки, военкомат, последнее место работы. Мы общаемся с учителями, руководителями, соседями, друзьями объекта, перебираем тонны макулатуры из пыльных архивов, но при этом я не знаю, что именно сделал этот объект. Какие выводы я могу сделать, если я не знаю, что именно мы ищем?

– А ты не думай о том, что именно мы ищем. Думать я буду. Ты сделай вывод, исходя из имеющейся у тебя информации. Кто перед нами?

Дима отодвинул от себя закрытое меню, достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку и открыл её на первой странице. Калошин удивленно посмотрел на стажёра, он и не заметил, что тот делает записи. Мысленно поста-

вив молодому сотруднику плюс за рвение и жирный минус за создание компрометирующего их носителя информации, он изобразил на лице вопрос.

– Хорошо, – решив не перечить начальнику, согласился Дима, – что мы имеем? Объект изучения – Сергей Борисович Бородин. Пятидесятилетний слесарь-механик из Рязани. Окончил девять классов средней школы, далее профтехучилище. Учился сносно, но не блистал. К общественной деятельности никогда не тяготел. Родных у него нет, воспитывался тётёй, ныне покойной. В наследство от тётушки ему досталась маленькая однушка в центре города. Кстати, старая потрепанная хрущёвка без пяти минут «под снос» особой ценности не представляет, – вставил от себя Дима и продолжил. – Объект рос нелюдимым и замкнутым, друзей у него не было. Редкие знакомые и коллеги не могут даже припомнить его, не взглянув на фотографию. Значит, – сделал первый вывод Дима, подтягивая к себе принесенный официанткой дымящийся стейк, – мы имеем дело с интровертом, замкнутым в себе. Колочий, холодный характер, возможно, склонен к депрессиям и запоям, о чем свидетельствуют соседи. В квартире не появлялся больше 10 лет.

– Вывод? – Протянул Калошин.

– Вывод – обычный мужик, каких миллионы в стране.

– Вот! Молодец! – с хитрым прищуром сказал Калошин, и тут же мысленно упрекнул себя за скорую похвалу: *«Ещё зазнается часом...»* Ему принесли заказ, но приступить к

трапезе Виктор не спешил. С любопытством наблюдая, как стажёр жадно поглощает куски слабо прожаренного мяса с кровью, Калошин отметил для себя, что делает он это исключительно напоказ. «*Боится*», – сделал вывод Калошин и протянул парню папку с делом, которая весь день провалялась в машине. Ему было интересно наблюдать за меняющейся физиономией стажёра. К концу прочтения документа выражение его лица из абсолютно безразличного сменилось на крайне изумленное. Парень поминутно вглядывался в строки, напрочь забыв об остывающем стейке. Он то приближал текст к глазам, словно не веря написанному, то вновь отдалял, совершенно не скрывая удивления. Наконец он оторвался от изучения дела и поднял взгляд на Калошина.

– Но как это может быть? Наш Сергей Бородин – это тот самый миллиардер Бородин???

Виктор улыбался, почти ликуя. Уголки глаз на суровом лице выдавали почти юношеский азарт и веселость. Ему понравилась реакция стажёра на прочитанное. Значит, он смог сделать правильный вывод, а стало быть, будет из парня толк. Осталось вдолбить ему в голову смысл их работы и составить дальнейший план действий. Ну, или, может, в другой последовательности. «*Пригляжусь ещё к нему*», – подумал он, а вслух спросил:

– Ну, что теперь скажешь об объекте?

Дима совершенно забыл про ризотто и вновь забегал глазами по строчкам.

– Если честно, Виктор Иванович, более стремительного взлета я в жизни не видел. Стив Джобс обзавидовался бы.

– Взлет, говоришь? – улыбнулся Калошин, наконец приступив к своим «макаронам с колбасой», как он называл пасту.

– Ну да, «взлет», «попёрло», «сорвал куш» – как там ещё про таких говорят?

– А тебе не кажется, что он этот куш не просто так сорвал? – Дима, всё ещё находясь под впечатлением от прочитанного, уставился на шефа. – Как часто ты просыпаешься с мыслью начать скупать валюту, а в следующие три недели ее цена на бирже подскакивает почти втрое?

– Инсайдерская информация? – предположил стажёр, явно сомневаясь в собственной версии.

– А скупать земли в новой Москве за год до принятия решения о расширении границ столицы? Тоже птичка напела? – Калошин, приглушив голос до змеиного шипения, наклонился над столом и прошептал в лицо Дмитрию, – Даже *Я* об этом не знал.

У парня по спине пробежал холодок, так безапелляционно страшно были сказаны эти слова. Однако от парня не ускользнул тот факт, что слово «Я» Калошин выделил как-то по-особенному, словно намекая, что его собственной осведомленности нет предела.

– Остаётся один вариант, – рискнул предположить стажёр, – шпионаж.

– Не-а, – сходу отмел догадку Калошин, с пробудившимся к еде интересом накручивая на вилку пасту. – Большинство резидентов иностранных разведок у нас под колпаком. Информацией такого рода обычно делятся лишь со связными и только с целью передать разведданные. А наш Гаврик пользуется ею лишь в своих собственных интересах, и умело, за-
меть, пользуется.

– Получается, перебежчик, предатель? – не унимался Дима.

– Вряд ли, – пробубнил набитым ртом Виктор. – Его бы давно свои шлепнули.

– Ну, тогда я теряюсь в догадках, – раздосадовано развёл руками стажёр, – не шпион, не предатель, но при этом обладает таким пакетом информации, что впору перевороты устраивать.

Калошин улыбнулся. А парень действительно башковит, подумал он – сам того не подозревая, сделал выстрел в яблочко. Виктор доел свою карбонару и взял из рук Димы папку с досье, заодно прихватив лежавший на столе блокнот. Дима не стал протестовать, но немного напрягся. Калошин полистал слегка измятые странички, где, помимо сегодняшних записей, были и другие мысли молодого оперативника. Ухмыльнувшись, он резким движением порвал блокнот пополам, сложил две половины вместе и легко, словно это была не двухсотстраничная записная книжка, а школьная тетрадь в двенадцать листов, разорвал её пополам ещё раз. Ди-

ма не шелохнулся, стараясь не удивляться слишком явно силе рук ментора, но недоумение на его лице заставило Калошина объясниться:

– Во-первых, ты уже не курсант. Записывать лекции и строчить шпаргалки оперативникам моего штата не к лицу. Твоя память – единственный источник информации, который ты можешь себе позволить. Любая запись, будь то физическая на бумаге или цифровая на флешке, в любой момент может стать достоянием врага.

– Но как же, – попытался возразить Дима, кивая на папку с надписью «Секретно» в руках Калошина, но тот перебил его:

– А эту папочку я взял исключительно для тебя. Поздравляю, стажёр, первую проверку ты прошёл. Беру тебя на испытательный срок. Зарекомендуешь себя – возьму в штат. Если прежде не обмочишься, – добавил начальник таким тоном, что Дима так и не понял, шутит Калошин или всерьёз считает его салагой. – А теперь заканчивай со своими козявками, – Калошин кивнул на остывшее ризотто с морепродуктами, – и давай-ка в Москву. Завтра навестим этого Сергея Борисовича.

Весь обратный путь они ехали молча, изредка переговариваясь относительно места назначения и тактики ведения допроса. К слову, Диме в этой тактике отводилась роль статиста. Основным заданием, которое он должен был выполнить беспрекословно, было просто помалкивать. Собствен-

но, не самый сложный приказ в его жизни.

В столицу они вернулись глубоко за полночь. Дима выса-
дил шефа возле работы – домой тот, по-видимому, не спе-
шил. Распорядившись заехать за ним в пять утра, Калошин
молча скрылся за матовой дверью КПП. Дима же, поставив
служебный автомобиль в гараж и закончив все формально-
сти с путевкой, вызвал такси и назвал свой домашний ад-
рес. Пустая Москва приветливо ласкала его уставшие глаза
сотнями огней. Яркая иллюминация фасадов домов давала
ложное представление о городе. Казалось, массивные гиган-
ты сталинской эпохи никогда не ложились спать, еженощно
заступая на вахту и охраняя покой своих улиц. Обрамляя
собой проспекты, они зорко следили за каждым ночным го-
stem древней столицы. Тысячи автомобилей перекликались с
ними габаритными огнями, выхватывая из мрака приветли-
вым светом своих фар детали городского ландшафта, озаряя
секундное обозримое будущее. Перед глазами Димы выплы-
вали и вновь погружались в сумрак дорожные знаки, люди,
темные мясистые силуэты парков и скверов. Он, как ему по-
казалось, на минуту прикрыл утомлённые глаза, и загружен-
ная до предела событиями дня память тут же начала рисо-
вать перед ним картины пережитого. Дима погрузился в раз-
думья. Безусловно, тот факт, что Калошин взял его в коман-
ду, пусть и в рамках испытательного срока, открывал перед
ним радужные карьерные перспективы. Но было одно весо-
мое НО. Ни он, ни кто бы то ни было из его окружения не

знали, чем именно занимался отдел Калошина. В узких кругах его подразделение считалось самым засекреченным. Об их успехах могло свидетельствовать только то, что снабжение и возможности их отдела были на такой недостижимой высоте, что остальные подразделения на этом фоне выглядели бледно, если не сказать – убого. Не было ни одного закрытого дела, преданного огласке. Ни одного достоверного слуха. Все Димины сослуживцы по училищу, грезившие службой под началом Калошина, не могли вразумительно объяснить, чем их так привлекала эта служба. Более того, ни один из коллег-старожилов их службы толком не мог объяснить род деятельности Калошинской команды. Но попасть туда мечтали все без исключения. Странное желание, по Диминым понятиям. Рваться куда-то, не имея понятия о том, чем придется заниматься, казалось парню верхом безрассудства. Отказываться он, конечно, не собирался, но тот факт, что работать он будет лишь на правах стажёра, давал ему неоспоримое преимущество. При случае он всегда мог отказаться, не прибегая к вербальным методам общения. Достаточно было несколько раз смачно накосячить и – «вуаля». Вылетаешь с треском обратно на прежнюю государеву службу. А пока нужно приглядеться к этой секретной конторе, разобраться, что к чему.

– С вас сэмсот, – выхватил парня из дремы голос водителя.

Дима вздрогнул, открыл глаза и посмотрел на часы. Было

без четверти три ночи, видимо, хитрый таксист воспользовался случаем и намотал пару лишних кругов вокруг квартала, пока Дима спал. Но стажёр не стал спорить, расплатился и побежал домой. Спать он сегодня больше не собирался, поскольку уже через два часа нужно было забирать Калошина. Теперь он начинал понимать своего нового начальника. Смысла ехать домой не было. Времени едва хватило, чтобы наспех перекусить, помыться и переодеться, и уже спустя полчаса он выезжал из своего полусонного спального района в направлении центра. Наступающий день обещал быть не менее насыщенным, чем предыдущий.

Калошин, вернувшись тем временем в офис, первым делом зарядился порцией двойного эспresso. В столь поздний, а точнее сказать, ранний час в конторе находились лишь дежурные да заработавшиеся оперативники. Секретаря, естественно, на рабочем месте не было, но она всегда любезно оставляла ключи от своей подсобки Виктору, дабы её начальник мог беспрепятственно наслаждаться всеми благами цивилизации, не покидая рабочего офиса. Все в конторе знали о нелюдимости Калошина, и всех это страсть как напрягало. Иной раз Калошин не покидал здания несколько дней кряду, превращаясь в местного домового, беспрестанно рыскающего из рабочего корпуса в своё «святая святых» – архив. За секретными, покрытыми тоннами пыли документами Виктор мог проводить всё свободное время. Большинство сотрудников были свято уверены, что у Калошина и до-

ма-то нет – зачем такому семья, дети, если он с работы носа не показывает? Самому же Виктору было плевать на мнение окружающих о себе. Он не для чужого мнения добивался этого положения. Его вполне устраивало, что коллеги считают его странным и побаиваются, и волновало лишь одно – как и насколько качественно он выполняет свою работу. Он часто повторял своим назойливым сослуживцам: «Работа – вот моя жизнь». Сам же про себя добавлял: *«А вы копошитесь в своих маленьких мирках, покупайте машины, берите ипотеки, набивайте карманы торговцам и барыгам. Мой мир будет куда лучше вашего»*. И он делал свой мир. Делал в буквальном смысле слова. Тех, кто ему был угоден, он продвигал по службе, пользуясь «вхожестью» в высокие кабинеты, неудобных же он «замораживал» – так он выражался о тех, кому, по его мнению, продвигаться по службе было нельзя. Судьбы он им, конечно, не ломал, но и про удачную карьеру им, попавшим в немилость к властолюбивому Калосину, можно было забыть навсегда.

Деньги Виктора не интересовали, хоть он и обладал внушительным капиталом. Единственной его страстью была власть. Она была тем единственным, чем он не собирался делиться ни с кем и ради чего мог перегрызть глотку любому. Но и сама по себе власть нужна была Виктору не как предмет поклонения, а лишь как инструмент. Инструмент достижения одному ему известных целей.

Виктор ещё раз просмотрел дело номер 8, закрепляя в

памяти отправные и опорные точки расследования. Адреса прописки и постоянного места жительства, а также адреса многочисленных офисов и фирм в Москве и ближнем Подмоскowie, к которым объект имел непосредственное отношение. Дело буквально пестрело цифрами, которые заботливая помощница выделила желтым маркером. За годы службы Виктор действительно выработал привычку запоминать важную информацию, стараясь не полагаться на записи и интернет. Калошин сам успешно применял на практике то, о чем говорил стажёру. Его памяти позавидовал бы и молодой. Цифры и адреса он впитывал, словно губка. Пользовался исключительно кнопочным телефоном, память которого с самого момента покупки не знала записей. Все необходимые контакты он держал только в голове. И это не говоря уже о паролях и многоуровневых кодах доступа к секретным сейфам, банковским ячейкам и многочисленным базам данных своего архива.

За пять минут до назначенного срока в кабинет постучали. Дверь приоткрылась, и в образовавшийся проем протиснулась измятая физиономия стажёра.

– Явился уже, – буркнул Калошин под нос, отметив про себя пунктуальность стажёра. *«Старается, понравиться хочет... Ну ничего, ты мне не услужливый, а башковитый нужен»*. А вслух добавил:

– Давай «зверя» нам добывай, да покликастее. Впечатление нужно произвести.

– Есть, Виктор Иванович! Жду вас на парковке через десять минут.

Про десять минут это он сказал с той целью, чтобы понятно было, что он, Дмитрий Александрович Керр, всё может организовать в кратчайшие сроки. На самом деле Дима уже полчаса как был на службе. Специально пораньше приехал, чтобы выхлопотать им чёрный «гелик» с красивыми буквами на номерах, который ещё вчера приметил в гараже. Будет ли он работать с Калошей (так за глаза называли его шефа в конторе сослуживцы) или не приведется, но впечатление о себе создать всё же нужно хорошее. Парень вышмыгнул из кабинета и уже спустя пять минут сидел за рулем тяжелого внедорожника, стоявшего на служебной парковке.

Глава 7

Сентябрь 2017 года.

Костя никак не мог поверить, что этот день настал. Кажется, они с Вадимом продумали все варианты, предусмотрели все возможные сценарии, учли все предыдущие попытки выбраться из этой чертовой петли времени. Сейчас, сидя в своем собственном джете и ожидая разрешения на взлет, Костя недоумевал – как вообще могла дать сбой столь продуманная система безопасности? Он взглянул на Марину. Утомленная дальней дорогой, она мирно дремала в своем кресле возле иллюминатора. Сотрудники небольшого частного аэропорта под Москвой помогли им с посадкой, подвезли их прямо к самолёту. Марину на руках внес сам Костя по обычному трапу, а ее чудо-кресло отправилось в багажное отделение. Экипаж встретил гостей как всегда приветливо. Никого из его членов Костя лично не знал, поскольку рекрутингом персонала занималась частная фирма, сотрудничающая с аэропортом базирования личного самолета Королёва. Поскольку сам Константин Королёв весь последний год вылетов не совершал, ему предложили использовать его джет для внутренних рейсов. Директору аэропорта не пришлось долго уговаривать клиента. Обычных доводов о том, что простой машине лишь вредит, и создана она для полетов, хватило, чтобы достигнуть с прагматичным Королёвым

консенсуса. Аренда покрывала практически все затраты на содержание дорогой игрушки, и Косте показалось разумным иметь под рукой частный самолет, который, ко всему прочему, не приносит никакой головной боли его владельцу. Он согласился сдавать в аренду свой джет чиновникам и бизнесменам с единственным условием – в любой момент он сам должен иметь возможность вылететь в любую точку планеты. Это условие устроило владельцев аэропорта, и они дали ему письменные заверения в том, что Королёв будет обеспечен воздушным судном в любое время дня и ночи.

Костя взглянул на часы, время близилось к полуночи. Когда они с Мариной приехали в аэропорт, самолет уже ждал их на взлетной полосе. Воздушное судно начали готовить ещё днем, сразу же, как только получили распоряжение от Королёва. Костя же тем временем делал всё возможное, чтобы их следы было как можно труднее засечь. Сначала они с Мариной преодолели на катере несколько километров по запутанной системе проливов и каналов Селигера. Затем, пришвартовавшись у добротного дощатого причала маленькой деревеньки, они отправились к небольшому частному дому, где в гараже их уже ждал уютный минивэн, оборудованный под кресло Марины, с полным баком бензина. Всю дорогу до столицы Костя нервничал. Переезд по суше был самым слабым звеном в его плане побега из страны. Первоначальный план состоял в вызове частного вертолета к той самой деревеньке, которую и на карте-то не сразу разы-

щешь. Но ураган, пронесшийся над Тверью прошлой ночью, причинил немалый урон ангарам с вертолетами и повредил коммуникации взлетной площадки. В вылете было отказано, и беглецам ничего не оставалось, как воспользоваться запасным планом. В доме, где хранился минивэн, жила семья из Донецка, единственной задачей которой было обеспечение Костиного медвежьего угла провизией и всем необходимым. По совместительству этот дом был опорным пунктом в возможных поездках Кости и Марины. Распоряжения небольшой семье, бежавшей из Украины с началом боевых действий, отдавал Вадим, он же щедро оплачивал их труд и молчание. Такой расклад устраивал всех. С Вадимом же, в свою очередь, по закрытым и защищенным каналам держал связь сам Костя.

Весь путь до Московской области Костя проделал без единой остановки. Марина, чувствуя напряжение, не вмешивалась в происходящее. Она безропотно выполняла все указания Кости, лишь изредка внося свои небольшие коррективы. Так, предвидя дальнюю поездку, она набрала на дисплее своего кресла сообщение, в котором попросила жену хозяина дома собрать им в дорогу чего-нибудь съестного. Покидая дом, обитатели которого несколько лет добросовестно выполняли условия контракта, Костя подписал какие-то бумаги и отдал их главе семьи, суховатому мужичку лет сорока. Осознав суть переданных ему документов, тот ещё долго и горячо благодарил странных работодателей, посланных

ему судьбой. Костя, понимая, что в эти места они больше не вернутся, просто подписал заранее подготовленную дарственную. Спустя час они с Мариной уже мчались в направлении Москвы.

Каждую новую жизнь Косте приходилось начинать заново. В его окружении не было достаточно компетентных лиц, которым можно было бы доверить управление делами. Первоочередная задача ограничивалась лишь обеспечением безопасности самого Кости и его ближайшего окружения. Предполагалась полная ликвидация личности Константина Королёва. Вадим же был лишь связующим звеном между миром Кости и очередной его средой обитания. Через Вадима Костя передавал миру те послы, которые могли так или иначе влиять на ход истории. Нередко их совместные усилия помогали извлечь существенную финансовую выгоду. Костя при этом генерировал идеи, а Вадим их исполнял. В тот момент, когда Костя осознал, что таким образом просто-напросто подставляет друга под удар, они и придумали схему, с помощью которой им удавалось тайно управлять целой сетью подставных лиц. В основном в оборот брались одинокие алкоголики из их же городка, и первое время эти меры помогали друзьям оставаться в тени.

Мир Кости каждый раз претерпевал изменения. Развиваясь и используя весь накопленный ранее опыт, Костя мог использовать его в статичных и туго поддающихся корректировкам временных отрезках, каждый раз перекраивая их под

свои нужды. Первое время он действовал самостоятельно. Добивался значительных успехов в бизнесе, искусстве, спорте, упиваясь свободами, которые дарил божественная жизнь. Пройти бесследно подобное увлечение вседозволенностью не могло, и в конце концов Косте приелись все блага человечества. Приелись именно по причине их доступности. Кто получит удовольствие от миллионов, заработанных уже не в первый раз по одним и тем же лекалам? Кто получит удовольствие от их растраты, если всё, что только можно было приобрести за деньги, уже приобреталось в прошлом?

В итоге Костя провел несколько жизней в поисках того вдохновения, которое придало бы его бессмертному существованию хоть толику смысла. И ему удалось нащупать что-то похожее на то, чего он так жаждал. Оказалось, Костя был не прочь взять в собственные руки власть. Нет, конечно, стать президентом или монархом ему не светило ввиду ограниченности времени пребывания на этом свете, но попасть в когорту власть имущих и стать, скажем, олигархом ему было вполне под силу.

Проанализировав ситуацию и поддавшись соблазну добиться неограниченной власти, Костя стал строить план реализации своих амбиций. Обладая единственным бесконечным ресурсом в собственном мире – временем, Костя поначалу добивался внушительных результатов. Но спустя несколько жизней и на этом поприще он достиг потолка. Выяснилось, что власть и деньги были неразлучными спутника-

ми. Не имея достаточного спонсирования, было невозможно достичь существенной власти. Ещё большую трудность представляла задача эту власть удержать, имея ограниченный финансовый ресурс. Проблема была решена достижением Костей золотой середины между практически бесконечной властью и финансовой стабильностью.

И именно в этот момент в его жизни настал, возможно, самый страшный момент – он узнал, что не одинок в своей уникальности. Оказалось, что в мире есть силы, которые не только знают о способностях Кости к реинкарнации, но и имеют единственную задачу – остановить его. Поначалу Костю это обстоятельство хоть и удивило, но ничуть не испугало. Он с легкостью избавлялся от преследователей, документавших ему во время очередной попытки овладеть миром, справедливо полагая, что новый виток его жизни без следа сотрет все его старые проблемы. Он не тратил ни минуты на изучение данного феномена, а попросту кончал жизнь самоубийством, тем самым запуская механизм очередного перерождения. Но, к его изумлению, в следующей жизни преследователи настигали его уже на несколько месяцев раньше, чем в предыдущей. В конце концов, дело зашло так далеко, что Костя уже не мог исключать эту силу из своих расчетов. На очередные попытки достичь мирового господства ему приходилось тратить всё больше ресурсов, а его преследователи с упорством борзых, загоняющих дикого зверя, всякий раз выходили на него всё раньше и раньше. Созда-

валось впечатление, что все его прежние деяния записываются кем-то и строго каталогизируются. С каждым новым витком борьбы Косте приходилось придумывать все новые методы избавления от слежек, допросов, блокировок счетов. Он использовал весь арсенал ведения серого бизнеса, включая использование запутанных схем вывода денег в оффшоры. Но с такими затратами на обеспечение финансовой независимости можно было забыть о перспективах достижения высших эшелонов власти. Казалось, сама система взбунтовалась против его стремления захватить мир. Каждая новая жизнь наполнялась новыми, доселе неизвестными препятствиями. Схемы, легко приносившие прибыль и позволявшие подняться по иерархической лестнице в одной жизни, в другой попросту не срабатывали. Поначалу Королёв списывал неудачи на случайное стечение обстоятельств, но каждый новый провал вселял в него сначала неуверенность в собственных силах, а затем и откровенный страх. Константин начал осознавать, что случай тут вовсе ни при чем. Решив, наконец, обуздать свои страхи и взглянуть им в лицо, в одной из жизней он решился на крайние меры. Его целью стало получить сведения о его возможных преследователях. Кто-то явно не хотел, чтобы замысел Королёва был осуществлен, поэтому умело и, что больше всего пугало Костю, уверенно вставлял палки ему в колёса.

Смыслом следующих нескольких жизней для него стал поиск организации, занимавшейся им с таким упорством.

Методику Костя применил самую что ни на есть примитивную – ловлю на живца. Он с присущим ему энтузиазмом приступил к очередному покорению мира, но на этот раз выделил значительные ресурсы на вычисление лиц, стоявших за всеми его провалами и неудачами. Когда он вновь добился небывалых экономических высот, созданное им в строжайшей тайне и глубоко законспирированное тайное подразделение его бизнес-империи начало приносить неутешительные известия. Как он и предполагал, во всех его бедах оказалась виновата одна-единственная организация. Вернее даже не организация, а всего лишь одно-единственное ее подразделение. Но сама эта структура внушала Константину страх – на пути у него стояла Федеральная Служба Безопасности России. Несколько бессонных ночей в той кошмарной жизни Константин Королёв провел в размышлениях о том, каким образом ему решить эту проблему. Положение усугублялось тем фактом, что ему было неизвестно, насколько осведомлена эта структура. Знают ли они о его даре, или же их целью просто является устранение любой угрозы для государства? Почему в каждом новом витке они оказываются на несколько месяцев ближе к его разоблачению, нежели в предыдущем? Костя долго думал обо всём этом и пришел к неутешительному для себя выводу. Единственным рациональным объяснением происходящему было то, что в ФСБ работал человек либо группа лиц с теми же способностями, что и у него. Разница между ними была лишь в том, что их способ-

ности применялись только в одной плоскости — защите интересов государства. И тут до Кости дошло. Единственным способом противостоять им, если, конечно, его догадка верна, было разрушить то самое государство. Нет государства, размышлял Костя, нет и структур, его защищающих. Но этот вывод ставил на всех планах Королёва жирный крест. И дело было даже не в том, что ему было не под силу создать такую мощную финансовую империю, которая смогла бы развалить сверхдержаву. Нет, напротив, у Константина к тому времени была сто и одна наработка в этой сфере. К своим сорока с небольшим годам, благодаря реинкарнациям, он успел опробовать их в нескольких странах поменьше. Начинал с расшатывания структур крупных государственных компаний, составляющих основу экономики той или иной страны. Затем, создавая собственные концерны-гиганты внутри этих стран, он поглощал их, словно букашек, а затем без особого сожаления банкротил их. Параллельно он брал под свой контроль и местные СМИ. Хорошо владеть информацией, полагал Костя, но ещё лучше информацию создавать самому. Те же схемы работали и на уровне государств со слабо развитыми разведывательными службами. Но на уровне сверхдержавы этим схемам попросту не хватало времени, чтобы развернуться. Создавалась патовая ситуация. Идеальным моментом для развала страны служил именно тот момент, в котором начинал очередной виток своей жизни Костя. Но к этому моменту он приходил практически голым. Ни денег, ни вла-

сти, ни связей. Только глупый пёс по кличке Хрен да юношеские ночные поллюции. А к моменту обретения им хоть какой-нибудь мало-мальски крепкой позиции те же самые позиции уже набирала и структура, ему противостоявшая. В конце концов, парню оставалось только одно – выяснить, кто стоит у истоков этой организации, и устранить его в самом начале своей очередной жизни. Но выяснить это он мог лишь одним способом – подпустив его к себе вплотную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.